

Агата Лель

Девочка Беркута

«Литнет»

2022

Лель А.

Девочка Беркута / А. Лель — «Литнет», 2022

– Идем за мной, – тихо, но доходчиво проговорил он, и я, не осмелившись спорить, послушно поплелась следом. Пустая термосумка доставщика еды била по спине, стало невыносимо жарко. И страшно. Сейчас он отведет меня в каморку к охране, они поднимут записи с камер недельной давности и все откроется. Зачем?! Вот зачем я стащила у него тогда кошелек? Теперь меня посадят...#тайны прошлого #первая любовь Однотомник!

© Лель А., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	8
Часть 3	11
Часть 4	14
Часть 5	17
Часть 6	21
Часть 7	22
Часть 8	26
Часть 9	30
Часть 10	35
Часть 11	41
Часть 12	47
Часть 13	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Часть 1

– Я есть хочу, мам....

– Нечего есть, отстань! Иди отсюда. Иди, кому говорю! Не мешай!

Вспомнила утреннюю сцену на общей кухне моей коммунальной квартиры и стиснула зубы.

Почему бог дает таким как она детей? Для чего? Алкоголичка, для которой стакан и новый мужик дороже собственного ребенка. Опекки на нее нет!

Вот эти слова "хочу есть" так и крутились в голове, выжигая в душе словно лужицей кислоты шипящую дыру.

Мне было так жаль соседскую девчонку... Перед уходом я отдала ей свой бутерброд, единственное, что осталось из съестного в моем кособоком холодильнике "Сибирь". Вернее, как в моем – холодильнике, который остался мне "по наследству" вместе с покрытой плесенью каморкой в коммуналке самого убогого района города.

А ведь когда-то у меня было все: большая квартира, собственная просторная комната, уроки фортепиано, танцы, куча игрушек и... родители. Хоть после трагедии прошло целых десять лет, все равно стало больно от нахлынувших воспоминаний о светлом и таком беззаботном прошлом. Именно они согревали ночами в казенных стенах детского дома, куда меня определили сразу после похорон.

Единственная тетка, сетуя на плохое здоровье, не смогла оформить надо мной опеку, но тем не менее ей хватило сил и энергии обманным путем продать нашу квартиру. Чтобы купить в родной деревне дом своему сыну, а мне с барского плеча приобрела вот эту вонючую конуру. "Чтобы было куда пойти после выпуска из детского дома, от государства ведь не дождешься".

Да не пошла бы она сама!

Я согнула в кулаке одноразовую ложку, что кладут в бумажные стаканы кофе, и зло швырнула пластмасску на стол. Ненавижу! А впрочем, пусть подавятся. И она, и ее сынок.

В торговом центре сегодня было как никогда многолюдно: не за горами Новый год, люди, словно стайка муравьев, толпились в примерочных бутиков, продуктовых и магазинах элитного парфюма, выбирая подарки себе и своим близким. Обычная жизнь обычных людей, но для меня далекая, словно неизведанная галактика. Планов на новый год у меня никаких не было, как и денег. Абсолютный ноль. Единственная работа, куда меня взяли без образования и опыта – промоутер, но вчера меня оттуда благополучно поперли, не выплатив гонорар. Деньги, на которые я так рассчитывала. Копейки, да, но они помогли бы мне не протянуть ноги. А теперь сушите весла, господи.

Я всей душой ненавидела детский дом, и так как попала я туда достаточно поздно и будучи из хорошей сытой семьи, "сокамерники" устроили мне теплый прием. И шрам под ключицей – вечная метка моих "счастливых" лет жизни в Яме – так прозвали эту обитель зла воспитанники. Шакалы и те убежали бы поджав хвосты словно безродные дворняжки, попадись им на пути кто-то из выпускников нашей альма-матер.

Но был во всем этом ужасе один существенный плюс – пуленепробиваемая закалка. Ничто на свете не заставит меня теперь прослезиться, все свои слезы я оставила в Яме.

Бей. Беги. Не сдавайся – три всадника моего личного апокалипсиса. Три кита, на котором зиждется мое существование.

Я должна выжить. И мне очень нужны чертовы деньги, в противном случае уже завтра я слягу с пневмонией, потому что тряпичные кеды в минус пятнадцать – ну такое. Третью пневмонию мои бедные легкие могут не пережить.

Водя пальцем по треснувшему экрану выдавшего виды смартфона, я набила одиннадцатизначный номер и поднесла трубку к уху.

– Здравствуйте, я по поводу работы, – схватила смятую ложку и на автомате попыталась ее распрямить. – Да, официанткой... Медицинская карта?... Нет, ее у меня нет, но я точно абсолютно...

В трубке раздались короткие гудки.

– Козел!

По двум другим номерам меня тоже тактично отшили.

Восемнадцать? Детский дом? Одиннадцать классов? Пфф.

Как будто детдомовец не человек! Как будто ему не надо есть три раза в день и содержать ноги в мало-мальском тепле. Но связываться с нами – сиротами – никто не хотел. Побаивались.

Я перевела взгляд на витрину обувного магазина: за стеклом на меня смотрели черные берцы с высокой шнуровкой. Точно моего размера. С искусственным, но наверняка таким теплым мехом...

Я представила, как они мягко обнимают мои ноги, как прекрасно под ними будет хрустеть городской снег...

А еще так маняще пахло свежей выпечкой из фудкорта, где я заняла столик, но не смогла заказать ничего, кроме растворимого кофе за пятьдесят девять рублей. Больше у меня не нашлось.

– Господи, да что же это за жизнь-то такая! – в сердцах прошипела я, снова давась воспоминаниями из светлого детства.

Если бы тот урод не сбил моих родителей на пешеходном переходе, все сложилось бы совершенно по-другому! Сбил и скрылся, трус, будь он проклят. Кто это был до сих пор неизвестно, единственная информация – это была дорогая иномарка. Все.

Ненавижу! Ненавижу его! Когда-нибудь я его обязательно найду и собственными руками убью. За то, что он лишил жизни моих родителей, а меня счастливого детства. И заодно будущего.

На столе загудел телефон, мигая неопределяемым номером, но я точно знала, кто это звонит.

– Ты чего, Кнопка? – улыбнулась, остывая, вытягивая ноги под столом. – Опять телефон у матери украла?

– Мама спит, – шмыгнула носом дочь соседки. – Ри-ит, а ты мне куклу принесешь?

– Куклу? Ничего себе у вас запросы, дама.

– Так у меня же день рождения сегодня. Помнишь, ты обещала?

Язык мой враг мой. Обещала. Помню. Ляпнула не подумав, когда только устроилась промоутером. Думала, деньги до нового года железно будут, хоть сколько-то. А теперь даже на автобус до дома нет. Придется в тряпочных кедах пешочком. Или зайцем как-нибудь, впервые, что ли.

– Обещала, я помню! – настаивала на своем липучка. – С русалочьим хвостом которая, и разноцветными волосами.

– Ну раз обещала – сделаем.

– И это... булочку с котлетой, ладно?

– Ну куда без булочки. Договорились.

Ну вот кто меня опять просил давать ребенку пустую надежду?

Как сделаем?

Ка-ак?!

Не помню, чтобы хоть когда-нибудь деньги упали кому-то под ноги просто так.

Может, поискать еще какую-то работу? Хоть полы мыть. И если искать, то, получается, прямо сейчас. Где-то за углом был стенд увешанный объявлениями...

Я бросила покореженную, как мое прошлое, ложку обратно в пустой стакан и вышла из-за стола. Одернула парку, замотала плотнее шарф, подготавливаясь больше морально снова выходить на мороз.

Ступив на ползущую с тихим гудением змею эскалатора, встала позади высокого темно-волосого мужчины около тридцати. Мужчины, судя по качеству кашемира его пальто, обеспеченного. Парфюм, прическа, часы на запястье. Аристократичный профиль, зачесанные назад темные волосы. У таких как он денег куры не клюют. "И именно такие как он легко скрываются с места преступления, потому что собственная шкура дороже".

Я крепче стиснула зубы.

Хорошая ярость. Вот что еще мне помогло выжить в Яме. Когда меня душили подушкой, когда поливали ледяной водой из шланга, когда пытались...

Я сделала шаг и попыталась его обойти, но вот незадача – развязанный шнурок. Я споткнулась и неловко вцепилась в попутчика, спасая себя от неминуемого перелома шеи.

От неожиданности он распахнул глаза, но реакция была на зависть молниеносной: шурша бумажными пакетами, он обхватил мою талию, позволяя снова принять устойчивое положение.

– Простите! Простите, пожалуйста, я такая неуклюжая! – я подняла на него взгляд и мы уставились друг другу в глаза.

Обсидиановая синь. Я даже не знала, что синий может быть таким... холодным.

Гордый, холеный и наверняка высокомерный.

– Не страшно, – проговорил он и отвернулся, поправив воротник. Вот, мол, какой я. Любуясь моим профилем оборванка и скажи спасибо, что не стряхнул тебя с себя как вонючего клопа.

А потом... обернулся на меня снова и это был уже совсем *другой* взгляд.

Твою же ты..!

Я нервно улыбнулась и, подняв выроненный телефон, рванула вниз по ступенькам. Не как будто убегаю, а словно... вспомнила что-то важное. Легко, непринужденно, без какого-либо намека на панику.

Спустившись вниз, спряталась за стойкой информации, делая вид, что изучаю план расположения магазинов, а сама между делом подсматривала за мистером совершенство.

Он шел, то и дело оборачиваясь, словно разыскивая кого-то глазами. Не зло, скорее немного растерянно. Это вселяло надежду. Если все не так, как я думаю – мне кранты.

Почему он так странно на меня посмотрел? Уж не потому ли, что обо всем догадался?

Боже, пожалуйста, помоги!

Постояв немного у вращающихся дверей и не найдя, кого искал (меня?), он все-таки ушел, и только теперь я смогла выдохнуть.

Руки тряслись от переполняющего адреналина. Мне было стыдно. Немного страшно. Мне было горько... но я обещала девочке подарок на ее шестилетие.

Я обещала!

Опустив руку в карман, я достала миниатюрный черный бумажник. Который выронил он. А я бессовестно подняла. Подняла... и ничего не сказала. Внутри оказалась только банковская карта моментум, несколько визиток и – святые угодники – целых семь тысяч наличными.

Целых семь!

Бросив бумажник вместе с карточками в узкую металлическую урну, я воровато запихала наличные обратно в карман и, ступив на эскалатор, поехала обратно вверх.

Возможно, гореть мне за это в аду, но я устрою ребенку праздник.

Часть 2

– Какая вкуснотища, Рит!

– Нравится?

– Обалдеть можно!

Кнопка вгрызлась в сочный бургер, зажав китайскую русалочку между тощих коленок.

Мы сидели на продавленном диване в моей комнате, и я умилялась, глядя как девчонка уминает фастфуд. На моих ногах красовались новенькие берцы с искусственным мехом, а аромат наггетсов буквально впитался в не выдавшие ранее такой роскоши стены. Но у меня не было аппетита. Я не чувствовала себя счастливой. Я чувствовала себя... гадко.

Я украла эти деньги. Да, у того мужика, вернее, наверное, все-таки парня, они явно были далеко не последними. Да, вытащила не из кармана, но все-таки я их своровала.

Чем я теперь лучше тех мерзавцев из Ямы, кому грозная ЛенСанна сулила колонию, ужасную смерть от передозировки и венерических заболеваний? Вот чем?!

Теперь я настоящая воровка, а не мелкая воришка. Ведь одно дело виртуозно стащить конфеты из тумбочки главного гада преисподней и совсем другое – вот так...

А как он на меня смотрел? Может, он все понял, но по какой-то причине не стал поднимать шумиху?

А почему не стал?

Вряд ли я его очаровала, это смешно. Мешок с костями сексуальнее, чем я – именно это мне внушали те ублюдки из Ямы. Бледная поганка, спирохета, дистрофик, доска – подобные комплименты кому хочешь уронят самооценку.

Но почему же он все-таки искал меня глазами?..

– Да куда ты спешишь так, подавишься, – я улыбнулась, вытирая с носа соседской девчонки термоядерный соус.

– Да я такой вкусноты в жизни не ела! – причмокивая, продолжила восхищаться Кнопка.

– Ты зарплату получила, что ли?

– Типа того... – и скисла, вспомнив синь глаз.

– А у тебя парень есть?

– Чего-о?

– Ну, бойфренд. Будет тебя содержать, все покупать.

– Бойфренд, что ли? Ну ты и артистка. Ты где такого насмотрелась, – я рассмеялась, притянув девчонку к себе. Такая она тощая, Боже...

– Рит, а давай ты меня себе возьмешь? – перестав жевать, вполне серьезно уставилась на меня Кира – именно так назвала эта дрянь за стенкой свою дочь. – Насовсем.

– То есть как это – возьму? Ну ты чего, нельзя просто взять и забрать себе ребенка. Тем более насовсем.

– А почему? Я с тобой жить хочу, – и добавила уже тише. – Ты меня никогда не бьешь...

– Ешь, Кир. Остынет все, – я погладила ее по голове, проталкивая ком в горле. – И это... – залезла к карман, вынимая последнюю тысячу. – На вот, возьми.

Глаза ребенка округлились, сделав худенькое личико еще более болезненно худым.

– Это мне-е?

– Да, купишь себе чего-нибудь. Только спрячь, – нахмурилась. – Хорошо спрячь, поняла?

– Поняла, – совсем по-взрослому кивнула Кира и подрагивающей от волнения рукой забрала из моей ладони купюру. А потом... кинулась мне на шею, заставив едва не подавиться следующим горьким комом.

К счастью, спустя пару дней меня взяли доставщиком еды – мотаться по городу с большой квадратной термосумкой, развозя обеды. Дождь, снег, молния, армагеддон – обед должен быть доставлен горячим и точно в срок.

Некстати ударили дикие морозы, заставляя трястись от холода. Беспреданно кашляя из-за хронического бронхита и подбирая сопли, я добралась до торгового центра. Того самого, которого я так настойчиво избегала.

Я понимала, что вряд ли тот парень устроил на меня облаву, но все равно было немного страшно возвращаться на место своего недавнего преступления.

Проклятая совесть не дремала, то и дело напоминая о моем поступке. Нет, больше никогда и ни за что! Лучше вот так, коченея от дикого мороза... К счастью, теперь у меня есть новые ботинки.

Размотав шарф, я вошла в праздничное нутро ТЦ и направилась напрямик к фудкорту. Поступил заказ на сет "Окинава" и целый килограмм склизкой китайской лапши в корбочках. И как только люди едят эту пакость...

– Сейчас, минуточку, все скоро будет готово! – поднял руку "китаец" в традиционной куртке сушиста (который вовсе не китаец, а бурят), и я прислонилась спиной к установленной у кассы колонне. Устало стянула шапку. Уши околели, про руки вообще молчу.

Интересно, как быстро отваливаются при обморожении пальцы? По одному или все сразу?

Я пошевелила алыми конечностями, убеждаясь, что пока все не так уж и плохо.

Бесцеремонно меня толкнув, к кассе пробрались подозрительного вида парня. Оба длинноногие, худые, юркие, с цепким бегающим взглядом. Я сразу же положила ладонь в карман, бережно удерживая свой допотопный смартфон. Если его стащат, новый я куплю ой как не скоро. Даже подержанный с рук.

Молодцы присоединились к девчонкам, выбирающим у стойки какие взять роллы, и я сразу поняла, что запахло жареным.

– Закрой сумку! – мысленно прошипела я, адресуя крик души миловидной блондинке, что непредусмотрительно повесила на плечо раскрытый рюкзак.

Я сама не святая, да, но одно дело утянуть выроненный буржуем кошелек, и совсем другое – красть у студенток. Судя по дешевым тряпкам – приехавших из периферии.

Толк в дешевых тряпках и бедности я знала как никто.

– Сюда иди, – подозвал меня сушист, и я, не спуская глаз с парочки упырей, покинула уютное место под горячим потоком воздуха из кондея.

Один из них, бритый, подошел к блондинке еще ближе, второй прикрыл спиной обзор камеры. Выверенная схема, к гадалке не ходи. Точно так же наши пацаны из детского дома шмонали на вылазках карманы наивных горожан.

– Да разуй ты блин глаза! – едва не прокричала я.

Встала совсем рядом с девушкой и только решила наплевав на предусмотрительность, шепнуть на ухо, что на ее сумку готовится набег, как вдруг подруга блонди как заверещит:

– Кошелек! Олесь! Твой кошелек чуть не стащили!

Братья-акробаты моментально ретировались вправо, расширив от ужаса глаза, а подружки, сушист и несколько человек из очереди, все уставились... на меня.

– Это она! – вытянула палец блонди номер два, только цвет волос у нее, в отличие от подружки, был скорее ржавым, чем белым. – Она рядом с тобой отиралась!

– Ты нормальная? – тут же вскинулась я. – Это вот они, – кивнула на пацанов. – Я наоборот, предупредить хотела.

– Э, слышь, ты чего лопочешь там? Слепая или как? – ожил один из двойки. – Отвечаешь за слова, курица?

О-фи-геть. Реально стащить однажды кошелек и не попасться, и вляпаться вот так бездарно!

– Я ничего ни у кого не крала, камеры посмотрите!

– Но хотела! – не унималась горластая подружка. – Я видела!

– Говорю же – это они хотели!

– Значит, вы заодно! Где охрана? Вызывай полицию, Даш!

Твою же ты...

Еще недавно я мерзла, но теперь вспотела. Пульс разогнался до космической скорости.

Посадить-то меня не посадят, но с работы турнут точно. До нового года всего ничего, на что я буду жить! Снова красть? Ну уж нет. Меня и так боженька практически носом ткнул. Ни за что на свете!

Я стояла и затравленно смотрела на всех словно загнанный олененок, мысленно прощаясь с неблагодарной, но все-таки работой.

– Это не она, – раздалось за спиной, и я резко обернулась. Ощутила, как коленки налились свинцом, а от лица отхлынула кровь.

Это он. Тот самый. Владелец портмоне.

Я попала.

Часть 3

Парень, или как я мысленно его окрестила Породистый, опустив руки в карманы черных брюк, неторопливо подошел ближе.

– Девчонка не виновата, – это его "девчонка" прозвучало словно пощечина. Я вся внутренне сжалась.

– Вы уверены? – вмешался сушист, поднимая телефонную трубку. – Может, все-таки охрану?

– Не нужно охрану, я уверен.

– Ну вообще, она просто рядом стояла. Может и не она... – сразу же начала переобуваться подружка потерпевшей. Видимо, авторитет вмешавшегося передался и ей.

Бритые Винтик и Шпунтик куда-то незаметно ретировались. Я настолько была ошарашена увидев "старого знакомого", что не обратила внимания, куда подевались реальные виновники торжества.

– Идем, – тихо, но доходчиво проговорил холеный, и я, забив на заказ, послушно пошла за ним. Все еще пустая термосумка была по зеленой форменной куртке, становилось все жарче.

Сейчас он отведет меня в каморку к охране, они поднимут записи с камер недельной давности и все откроется.

Меня посадят.

Стало страшно. Еще не так давно собственная жизнь казалась лишенной всякого смысла, как у кактуса, который абсолютно бесполезен, а теперь я так упорно цеплялась за свои серые будни.

Да, серые, но они были мои! С вечной нехваткой денег, слипшимися макаронами, с орами за стенкой и дешевым кофе.

А Кнопка? Как я ее оставлю?

– Куда мы идем? – решила-таки задать осторожный вопрос.

– Просто уходим, подальше отсюда, – ответил он и ступил на змею эскалатора. Я, еле дыша, встала позади него, размышляя, смогу ли дать дёру так быстро, чтобы он меня не догнал.

Бей. Беги. Не сдавайся.

В моем случае сейчас только Беги.

Мы спустились вниз и вышли на улицу: разгоряченное тело сразу же обдало крепким морозцем. Я быстро застегнула куртку и натянула капюшон, поправила лямки рюкзака, с которым скоро придется попрощаться.

Ну и ладно, все равно он меня раздражал.

Парень стоял напротив и буравил меня нечитаемым взглядом.

Он все знает. Бессмысленно отпираться.

– Я все верну, – пропищала я, вскинув мысленный белый флаг. – Карты я не трогала, клянусь! Только семь тысяч, что лежали в кошельке.

– Я знаю.

– И те деньги... я не хотела их брать! Но... взяла, – стушевалась, ощущая себя круглой душой. Лицо залила предательская краска. – У Киры был день рождения и она хотела подарок. А я ботинки. В кедах было так холодно.

– Ботинки?... – он растерянно опустил взгляд на мои ножки-спички, обутые в тяжелые берцы. Потом снова посмотрел мне в лицо.

Я тот еще физиономист, но кажется, он точно не злился.

Сочувствовал?

Похоже на бред, но это была самая близкая к истине версия. За которую я тут же зацепилась.

– Не обращайтесь в полицию, пожалуйста. Мне никак нельзя в тюрьму, – я вздохнула.
– Вот совсем никак.

– Зачем ты это сделала? Тебе не на что жить?

– Ну не то чтобы совсем не на что... – снова вздохнула. Ну какой смысл врать: сгорел сарай -- гори и хата. – А впрочем, я на мели. В полной беспросветной заднице.

Кажется, мои слова возымели на него определенное действие: он нахмурился, но не зло, а скорее задумчиво. Снова посмотрел на мою обувь.

– Ну ладно я, но эти девочки в суши-баре...

– Эй, я у них ничего красть не собиралась! – сразу же возмутилась я. – Вы же сами все видели! Или... – до меня стало медленно доходить. – Вы... вы ничего не видели, да?

Он отрицательно покачал головой.

И тут мне стало страшно еще больше.

То есть он знал, что я свистнула у него портмоне, не видел, что я не виновата сейчас, но все равно встал на мою защиту. Это означает одно из двух: либо он психопат, либо... психопат, который хочет покончить со мной лично.

Я взглянула на него еще раз и тут же опустила глаза. Тогда я толком его не рассмотрела, а вот теперь да: он был слишком ярким, слишком высоким, слишком... да он вообще был весь слишком. Для меня так точно. Защищать просто так? Да-да, конечно: шесть лет в Яме хорошо дали понять, что ничего в нашей жизни просто так не бывает.

– Тебя подвезти?

– Чего? – пришлось посмотреть на него снова.

– Домой. Или у тебя еще не закончилась смена?

– Закончилась, – я вздохнула.

Заказ я не забрала, значит, вовремя не доставила. Значит, заказчики позвонят в офис и начальство устроит мне разнос. Значит, меня уволят. Хладнокровно и беспощадно. В городе полно страждущих студентов, готовых вкалывать за копейки, свято место пусто не бывает.

Да что ж за невезение-то такое.

– Тогда поехали, подброшу куда скажешь, – он развернулся и словно Колосс Родосский зашагал в сторону автостоянки.

Весь в черном на ослепительно белом.

Что ему нужно? Какого черта он предложил меня подвезти?

Может, он мстительный извращенец? Отвезет меня куда-нибудь за город на свою шикарную дачу и скажет – отработывай каждый украденный рубль.

Все они небожители с прибабахами. Взять того же мистера Грея: весь такой холеный, а в ларчике...

– Да вы знаете, я, наверное, на автобусе. Тут недалеко, – осторожно кивнула себе за спину.
– Всего-то несколько остановок.

– Поехали, – обернулся он, и спорить я элементарно побоялась.

Я же на самом деле стащила у него кошелек, я виновата. Он может сдать меня полиции, доказательства не сложно найти. И он, между прочим, спас меня только что от поклепа. Да-да. Он же не видел ни черта, сказал просто так, что это была не я.

Может, зря я на него наговариваю и у него просто комплекс Робина Гуда?

Ох, страшно-то как...

На стоянке ровными рядами стояло десятка три разномастных автомобилей: от совсем дешевых до премиум-класса. Но его машину я угадала сразу – только такой как он может ездить на черном Ягуаре. Пацаны в Яме только и делали, что обсуждали крутые тачки, которые они себе непременно купят, поэтому в стоимости марок я худо-бедно разбиралась.

– Садись, – он открыл дверь и кивнул в салон автомобиля. Словно в пасть к аллигатору пригласил. Заходи, не разувайся, он жрет все без разбора.

Я неуклюже сняла термосумку и попыталась залезть с ней в руках. Долго пыталась и получилось. В итоге я утонула в дорогой коже кресла (похожей крокодила, ха-ха), и полностью закрыла себе весь обзор огромным коробом.

Робин Гуд заглянул в салон и закатил глаза, забрав у меня сумку, кинул ту в багажник.

Дура, дура, дура! Зачем ты согласилась с ним поехать? Пусть он не выглядит как какой-то бандит, но ведь это как раз и есть самое подозрительное. Вот в таких как он и кроются самые страшные демоны.

Надо валить, а как? Он и двери мог запросто заблокировать.

Я быстро достала из кармана смартфон и, набрав номер горячей линии банка, состряпала покер-фейс. Словно каждый день катаюсь на таких крутых тачках с такими не менее крутыми парнями. Подумаешь.

– Привет, мам, – лживо улыбнулась я механической речи робота. – Да вот, с работы еду, ага...

Водитель бросил на меня быстрый взгляд через зеркало на лобовом, явно прислушиваясь к разговору.

– ...не надо приезжать, меня подвезут, на черном Ягуаре, номер 345. От торгового центра "Европа".

Понял? Выкуси! Теперь ты думаешь, что я рассказала о тебе своей матери и спалила марку машины. А значит, побоишься что-то сделать, ибо тебя найдут, когда я не вернусь домой к ночи.

Ай-да я!

Я уже было обрадовалась своей блестящей смекалке, но по его слегка ироничному взгляду поняла, что он не повелся.

Он не улыбался, нет, лишь уголок губ слегка дернулся вверх, словно от нервного тика.

– ...ну пока, ага, – сдулась я, сбрасывая вызов на словах "нажмите 0, если хотите связаться с оператором".

Я попала, Божечки. Ну почему я стащила этот чертов кошелек именно у него!

Теперь мне точно кранты.

Часть 4

Я ехала держа спину так прямо, будто поглотила кол. Осиновый. Вот он бы мне сейчас точно пригодился.

Что делать? Как быть?

– Офис на Краснознаменной, мне туда, – пискнула я, но мистер непробиваемый никак не отреагировал. Просто крутил баранку, внимательно глядя на дорогу.

Он не выглядел злым, но это точно может быть обманчиво. Где гарантия, что он не раздумывает сейчас, куда прикопать потом мою обезглавленную тушку?

Может, конечно, он не настолько кровожаден, но кто знает.

Осмелившись, просунула голову между передними сиденьями:

– Послушайте...

– Роман.

– Ну так вот, э... Роман, я понимаю, что наверняка выгляжу сейчас как полная нахалка, но можно я верну вам деньги... частями? – бросила на него быстрый взгляд. Спокоен. Пока живем. – Дело в том, что у меня сейчас слегка туго с финансами. Ну, вы поняли уже, наверное, с работы меня выгонят и я останусь, как бы это поточнее – на мели.

– Так укради еще, – он безразлично дернул крепким плечом. – У тебя неплохо получается. Или как точнее? *Найди*.

Ну знаете!

Понятно, что он считает меня прожженной воровкой и имеет на это полное право, но ведь это не так!

– Вообще-то я украла что-то впервые в жизни! Ну, если не считать стыренных пирожков в детском доме из столовки.

– В детском доме? Так ты вроде бы маме сейчас звонила.

– Ну да...

Это провал. Провал Провалович Провалов.

Да что ж я дура-то такая!

– Тяжело там было? – вдруг спросил он, и мне показалось, так он сделал это так... душевно, что ли.

– Ну там так себе, не очень: еда пресная, в окнах щели в палец, никаких развлечений. Хотя к некоторым приезжали всякие бабки и тетки, привозили сладости и теплую одежду, косметику.

– А тебе нет?

– А кому мне было это делать? Мои родители погибли, когда мне было восемь, больше у меня никого нет, только тетка осталась, но она... ай, короче, – махнула рукой, раздражаясь.

Он молчал, продолжая следить за дорогой и думая о чем-то своем. Я бросила взгляд на его руки, сжимающие руль, кольца не было, впрочем, как и каких-то других украшений. Только на запястье из-под рукава пальто торчали несколько тонких кожаных ремешков.

Кто он такой вообще, этот Роман?

И как так вышло, что он снова был в том же торговом центре, что и я.

Совпадение?

Уж слишком оно какое-то... сказочное.

Пользуясь случаем, пока между нами вроде как установился некий контакт, я решила напомнить о самом главном:

– Ну это... и что там с рассрочкой? – скovyрнула воспаленный заусенец, сразу прижав палец к губам, чтобы остановить кровь. Он заметил это, но никак не прокомментировал. – Понимаю, что это очень нагло...

– А на что ты потратила мои деньги?

Я ступевалась. Опустила взгляд на свою обувь в разводах песка и дорожной соли.

– Ботинки купила. И куклу.

– Куклу? – во взгляде читалось искреннее удивление.

– Ну не себе, конечно. Кире.

– А кто это? У тебя сестра есть, что ли? – почему-то мне показалось, что он сильно этому удивился.

– Нет у меня никого, это дочка соседки. Я в коммуналке живу, она с матерью через стенку. Нина эта закладывает за воротник будь здоров, мужиков таскает, а общага, сами понимаете...

– слегка покраснела. – В общем я Киру к себе иногда забираю. Чтобы она... короче, чтобы не видела там ничего... Ну вы поняли.

Он понял. Лицо стало жестче.

– А с квартирой что стало? Почему общага? – вдруг спросил он, и теперь пришла моя очередь округлять глаза:

– А откуда вы про квартиру знаете? – подобрав полы фирменной дутой куртки, отпрянула назад и на автомате прижалась ближе к двери. – Я про нее ничего вам не говорила.

– Ну наверное, ты с родителями раньше где-то в другом месте жила, не там же, – невозмутимо обосновал он и вперил в меня взгляд через зеркало. – Или нет?

– Да, мы жили в другом месте. Но там произошло кое-что не особо хорошее, с квартирой. Долго рассказывать.

Отвернулась, не понимая, какого черта происходит. Мне было больше не страшно рядом с ним, скорее... странно. Потому что все, что происходило, казалось каким-то ненастоящим, неправильным. Несуразным.

Я стащила его кошелек, а он защитил меня, теперь вот подвозит на своей шикарной тачке, жизнью интересуется.

Понравилась? Три раза ха. Вот уж точно не я и уж точно не такому, как он.

Он похож на какого-нибудь телеведущего, или актера, или певца. Но точно не на того, кто западает на простолюдинок. Да и не видно в его взгляде какого-то шкурного интереса. Хотя что бы я там понимала, в шкурных мужских взглядах.

Пацаны из Ямы не в счет – маленькие злые озабоченные волчата. Они не намекали, они говорили напрямую, пытались заставить силой и были недовольны, когда им отказывали. Приходилось спать с вилкой под подушкой. Господи, да как я там выжила вообще...

– Тут офис? – спросил он. Я кивнула. Он плавно притормозил у входа в здание, вышел из машины и открыл багажник. Достал мою фирменную сумку-короб.

Я выскочила из теплого салона не дожидаясь, когда мне откроют дверь. Если, конечно, он вообще собирался это делать. Потопталась на месте, неуклюже натягивая лямки на плечи.

Он все это время просто стоял напротив и молчал. И я даже не хотела знать, о чем он думает. Мне хотелось уйти и не видеть этого странного парня. Парня из чьей-то другой жизни, но точно не моей.

– Дайте номер вашей карты или телефон, я переведу вам деньги как только наберу полную сумму. Ну или частями. Сейчас, – залезла в карман и выскребла все, что было. – Тут семьсот пятьдесят рублей, возьмите.

Протянула руку с зажатыми в кулаке деньгами, но он даже не пошевелился.

Как унижительно.

– Хорошо, – сунула наличность обратно в карман. – Тогда переведу.

– Тут мой номер телефона, возьми, – протянул мне черную, с объемными золотыми буквами, визитку.

Беркут Роман Сергеевич. Генеральный директор логистической компании "Стрела".

Даже так...

Теперь понятно, что он делал в торговом центре: на четвертом этаже находится большой филиал этой самой "Стрелы", запомнила, когда план изучала.

– До свидания, – буркнула я и, движением плеч подкинув сумку выше, потопала по хрусткому снегу в дверям офиса получать по шапке. А уже у входа обернулась – Роман стоял возле открытой двери своей машины и, опустив руки в карманы брюк, задумчиво смотрел мне вслед.

Часть 5

С работы меня, конечно, уволили, и я плелась домой размышляя, на что теперь жить дальше. В тощем пакете из супермаркета "Компас" болталась литровая коробка кефира, "городская" булка и маленький Сникерс для Киры. Снова настали тяжелые времена, пора затянуть пояс потуже. Впрочем, когда у меня эти времена были легкими? Может, тогда, десять лет назад, когда были еще живы родители...

Я часто думала, каким бы было мое настоящее, если бы тот урод тогда не сбил моих маму и папу. Наверняка я бы сейчас училась в институте, имела кучу друзей, занималась любимыми танцами или чем там еще, что сейчас модно. Я была бы счастливой. И точно не думала бы о том, как прожить еще один чертов день.

В кармане раздался звонок: стянув зубами варежку, я вытянула замерзшими пальцами телефон и сильно удивилась, увидев номер ЛенСанны. Привет из Ямы.

– ЛенСанна, салют. Соскучилась, что ли?

– Старцева, ты чего там натворила? – выпалил динамик вместо приветствия.

Я остановилась, перехватив удобнее телефон.

– А чего я натворила?

– Вот и я спрашиваю – чего?

– Ну ЛенСан...

– Елена Александровна, – знакомо проворчала она.

– Да-да, я поняла, *Елена Александровна*. Так в чем там дело?

– Ко мне сюда мужчина приходил, про тебя спрашивал.

Я ощутила как побледнела.

– К-какой еще мужчина?

– Молодой. Анкету твою просил. Спрашивал об успеваемости, поведении и прочем.

– Ну ты же не дала? – голос сел.

– Не "ты", а "вы"!

Боже, боже, боже! Это точно был он. Да что ему надо-то от меня?!

Директриса детского дома протяжно вздохнула.

– Рита, я понимаю, что адаптация у всех проходит после выпуска тяжело, но это не значит же, что нужно во все тяжкие.

– Да что вы говорите такое! Какие еще тяжкие? Я честно работаю, между прочим. Ну... работала. Там кое-что произошло просто... – вспомнила, как менеджер с непроницаемым лицом забрал у меня куртку, отчитав за крошечную дырочку в кармане. Которая, кстати, была до меня.

– В общем, я ничего ему не сказала, конечно, так, в общих чертах. Но номер телефона твой дала, не обессудь. Кстати, ты в центр занятости сходила?

– Пока ЛенСан, вот прям сейчас как раз туда иду. Созвонимся, – я сбросила вызов и сжала телефон в руках.

Теперь он знает мой номер. Потрясающе. Но зачем он ему?

Поднимаясь на свой этаж, обходя тут и там разбросанные окурки и лужи засохшей мочи, я поняла, зачем ему это – чтобы я никуда не пропала и вернула ему украденные деньги. Конечно, поэтому, зачем же еще! И визитку свою дал тоже по той же причине: чтобы я ему по номеру телефона деньги перевела. Богатый, а жлоб. Все они такие.

А впрочем, чего ты хотела? Чтобы он их тебе подарил? С какой это радости?

Плач Киры я слышала еще даже не открыв дверь, вернее, не плач – тихий скулеж. Почуввав неладное, я быстро вошла в общий коридор и увидела Кнопку: та сидела на коврик у двери своей комнаты, "обняв" руками острые коленки.

Я бросила на пол пакет и опустилась перед ней корточки, притянула девочку к себе.

– Эй, ну ты чего это? Кир?!

– Ма-мама-а у меня деньги забрала-а... Которые ты мне да-ала-а... – несколько раз всхлипнула она и, втянув носом сырость, икнула. – Я хорошо их спрятала, как ты и говорила, а она все-равно их наш-нашла. Подумала, что я их у бабы Тамары сперла. А я не воровка!

– Ну конечно ты не воровка, ты чего! Я сейчас пойду и скажу твоей маме, что это я тебе их дала, – погладила ее по жидким темным волосикам и впервые в жизни подумала о том, что детский дом – это еще не самое страшное.

– Она все равно их тебе не отдаст, уже потратила, – она снова всхлипнула и скосила глаза на торчащую из переполненного мусорного пакета пустую бутылку.

– А почему ты тут сидишь?

– Да к ней дядя Володя пришел. Сказала не заходить, пока он не уйдет, а то получу.

Хотелось подняться, войти в ее комнату, снять с нее дядю Володю и... Но кто я такая, чтобы лезть? Она мать, а я беспризорная восемнадцатилетняя сопля, которая живет по-соседству.

Ну почему жизнь так несправедлива? К Кире, ко мне...

– Может, ты все-таки забереешь меня, а? – шмыгнула носом Кнопка, поднимая с пола уже порядком потрепанную Русалочку. Несколько клоков волос уже выпали, образуя неряшливые проплешины. – Я хорошо буду себя вести, обещаю. Картошку буду чистить и подметать.

Ножом по сердцу и то не так больно...

– Тебя мне не отдадут, заяц.

– А почему?

– Потому что у тебя мама есть. Ты ведь все равно ее любишь. Любишь же?

– Не знаю... наверное. Но жить все равно с тобой хочу.

Да что ты будешь, а..!

За стеной начали набирать обороты звуки, от которых мне захотелось смачно сплюнуть. Желательно в растоптанные ботинки дяди Володи.

– Пошли ко мне, да? Мультки посмотрим.

– Так у тебя телевизора нет.

– А мы на телефоне.

Кира радостно поднялась с пола, не забыв свою куклу, и мы вместе пошли в конец коридора к моей каморке. По пути в заднем кармане пиликнул смарт, оповещая о новом входящем сообщении. Наверное, очередные скидки: "купите украшение с бриллиантом и получите подвеску в подарок". Я горько усмехнулась. Глянуть бы хоть раз, как эти бриллианты выглядят.

Мазнув пальцем по экрану, открыла сообщение.

И обалдела.

"Пополнение счета на 100 тысяч рублей".

– А какой мультик будем смотреть, Рит?

Сто тысяч.

– Давай Русалочку?

Кто? Как? Почему?!..

Может, социальные выплаты?

Но там ежемесячное пособие кот наплакал, откуда такая сумма?

Или я просто не знаю чего-то. Новый год же скоро, может, какой-то указ президента вышел?

Боже, храни царя!

Сто тысяч! Это же просто с ума сойти! Это же... Новая куртка. Нормальная еда. Одежда. Это же... целое состояние!

– Или Миньонов давай? Ты знаешь, кто такие миньоны?

Заказать пиццу! Огромную, с колбасками пепперони и болгарским перцем. И два литра колы. И картошку-фри с двумя соусами. Вот Кнопка обрадуется!

– Как насчет гигантской пиццы и других гадостей?

Щербатый рот расплылся в широкой улыбке.

– Дава-ай.

Улыбаясь, я открыла мобильный банк и заглянула в историю переводов, чтобы еще раз убедиться, что это не сон. И в оповещении было указано...

Роман Сергеевич Б.

"– Ко мне сюда мужчина приходил, про тебя спрашивал...

– ... номер твой телефона дала..."

Я резко остановилась, ощутив, как позвоночник присыпало декабрьским снежком. Снова в ужасе посмотрела на входящее сообщение.

Это он. Беркут.

– А с чем пицца? Давай с сыром?

– Они все с сыром... – машинально ответила я, словно зомби открывая свою хлипкую дверь.

Он. Никаких сомнений.

Но... зачем?

Зачем. Зачем. Зачем! Этот вопрос крутился в голове, когда я снимала обувь, когда разматывала вязаный шарф и вешала на гвоздь куртку.

Зачем...

Что ему от меня нужно?

Может, он сумасшедший? Перепутал? Стебется?

Может, он хочет меня как-то подставить?

– А мы в пиццерию сами пойдем или закажем? – возбужденно бубнила не переставая Кира. Меня же словно в прорубь опустили. А потом в чан с кипятком и обратно.

А вдруг это все-таки не он? Может, совпало просто...

Это выглядело так притянуто за уши, что даже стало смешно. Господи, какой бред. Ну конечно, это он, Роман из торгового центра. Мужчина с дорогим кашемировым пальто и фигуркой ягуара на капоте.

Меценат? Самаритянин? Псих? Стратег?

Какого черта ему от меня нужно?

Пожалел?

Стало тошно, унизительно и гадко. Ничего хуже чем перевести мне деньги представить просто нельзя. У меня есть руки и ноги, мне не нужны чужие подачки!

Я верну ему все до копейки.

– Вот перец не надо, перец я не люблю. В пиццу же кладут, да?

Я перевела на Киру рассеянный взгляд.

– Кладут.

– Чего?

– Прости, заяц, но пиццы не будет.

– Не будет? – погрузилась. Впрочем, тут же улыбнулась. – Ну и ладно. Давай мультики смотреть?

Я поставила на центр стола пустую кружку и, прислонив к ней включенный телефон, вышла из комнаты. Приземлилась на кухонный подоконник. Из приоткрытой форточки дуло просто нещадно, но это меня мало волновало.

Ну как он мог, а?

Не знаю, может, моя реакция неправильная и я должна прыгать до потолка, но вот что-то не прыгалось. Я чувствовала себя как никогда униженной.

Гордая дура, тебе же как воздух нужны эти деньги. Но зная, откуда они пришли...

Ни за что. Я лучше с голода умру, чем потрачу его подачку.

Следующие четыре дня я вкалывала как проклятая, стояла с утра до самой ночи у подземки раздавая листовки. Я почти ничего не ела, ходила сорок минут пешком до работы и обратно.

Я усиленно копила семь тысяч.

Деньги на карточке жгли карман, хотелось поскорее избавиться от этой ноши и начать наконец-то дышать свободно.

Чертов Беркут Роман Сергеевич. Чтоб тебя!

Я не хотела думать о нем, но думала непростительно много. Вспоминала хмурый взгляд в зеркале на лобовом, неулыбчивое серьезное лицо.

Одно я понимала точно – я должна отдать ему эти деньги. И не важно, зачем он мне их перевел.

Часть 6

Я узнал ее не сразу.

В первую секунду, когда она меня толкнула, просто подумал, что какая-то неуклюжая школьница. Но потом... стоило только посмотреть ей в глаза, меня словно жаром окатило.

Это она. Не было никаких сомнений. В голове не укладывалось – как же она выросла. Из маленького восьмилетнего ребенка превратилась в девушку: немного угловатую, дику – но все-таки девушку. Сколько ей сейчас? Восемнадцать... Как же летит время.

Я никогда не видел ее вживую, только на фотографиях, но я не сомневался – это она. Слишком уж ее внешность была яркой. Не яркой в плане неопишуемой красоты, но ее бесцветные волосы и такие же бледно-голубые глаза, прозрачная кожа... такую сложно с кем-то перепутать. К тому же она была копией своей матери, а лицо той женщины мне не забыть никогда.

Она толкнула меня и сама едва не упала, быстро извинилась, а потом убежала... прихватив мой кошелек. Я видел, как она его подняла, но в тот момент от неожиданности впал буквально в ступор. Просто стоял на этом гребаном эскалаторе и смотрел, как сверкают ее пятки в легких тряпичных кедах.

Кеды – в декабре?

Я ничего не понимал, в голове творился полный сумбур. Очнувшись, я спустился вниз и попытался отыскать ее глазами, но, конечно, не нашел. Плевать мне было на деньги, я просто хотел... да черт его знает, чего.

Поговорить? Глупо. Она понятия не имеет, кто я. Спросить о чем-то тоже не мог. А хотелось. Просто узнать, что все у нее в порядке. Хотя судя по тому, что она стащила мой кошелек – видимо, не очень.

Что же за жизнь у нее была все эти годы?

Стало стыдно, что последние несколько лет я перестал этим интересоваться. Не вычеркнул из памяти совсем, нет, но просто время... оно беспощадно заменяет одни события другими. Таково течение жизни, таков ее ход. Универ, болезнь отца, потом его уход, переложенные на мои плечи полномочия по ведению бизнеса, который был абсолютно неинтересен. Но на мне остались убитая горем мать и младший брат, которых нужно было содержать. Пришлось взять себя за шкуру и до рези в глазах изучать документы, знакомиться с правильными людьми и пахать, пахать, пахать...

"Это наше наказание. Наш бумеранг, – причитала мать, оплакивая отца. – Жизнь таких ошибок не прощает".

Я тоже так думал и сильнее утопал в чувстве вины.

Рита Старцева. Маленькая белобрысая девочка с фото приходила ко мне во снах. Девочка, которая осталась сиротой из-за меня. Ведь именно с моей "легкой" руки десять лет назад погибли ее родители.

Часть 7

Здание, где находился головной офис "Стрелы" высилось на проспекте Патриотов, среди десятков похожих стеклянных мутантов. Дорогие машины, крупные баннеры предлагающие различные услуги, незнакомая гламурная суэта.

Совсем далекая от меня жизнь. Внушающая смутную тревогу и желание сбежать отсюда подальше, куда глаза глядят. Что я и сделаю, как только верну Беркуту его деньги. Сто семь тысяч рублей, до копейки.

Я предусмотрительно сняла всю сумму с карты и теперь меня бросало то в жар, то в холод, от осознания, какие огромные деньги лежат сейчас в моем кармане. Если я их потеряю... Нет, нет, я не хотела об этом даже думать! Мне придется работать с утра до ночи несколько месяцев, чтобы накопить столько же. Отказывая себе во всем, включая еду.

Я прижала ладонь к застегнутому на молнию карману и шагнула к лифту. Понятия не имела, на каком этаже находится офис этого Беркута, поэтому решила просто поискать.

– Простите, а вы куда? – окликнула меня миловидная девушка с ресепшена.

– Мне... Я к Роману Сергеевичу. Беркуту.

– Вам назначено?

Конечно же нет! Я не стала ему звонить, боясь выбитых позолотой цифр на визитке как огня. Я просто хотела прийти, положить деньги ему на стол и убежать обратно, в свою простенькую, но уже такую привычную жизнь вне стен Ямы.

– Да, назначено, – соврала я и юркнула в разъехавшиеся в разные стороны двери лифта. Девушка вышла из-за стойки и явно хотела меня остановить, но двери закрылись, унося меня выше.

Аллилуйя! Первый шаг уже сделан.

Я по наитию вышла на восьмом этаже и практически сразу отыскала нужный кабинет, по крайней мере об этом гласила вывеска.

Было немного страшно встречаться с ним лицом к лицу, снова смотреть в эти внимательные глаза, на дне которых крылось что-то такое, отчего мне сразу хотелось отвести свои.

Он смущал меня. Да, именно так – смущал. Но выбора не было, я должна отдать эти деньги. И именно лично, чтобы они не потерялись, не зависли где-то в киберпространстве. Может, он вообще не заметит этого перевода и решит, что я слилась. А я, между прочим, вкалывала как проклятая, чтобы закрыть уже, наконец, эту страницу.

Да чтобы я еще раз вот так чужое... никогда!

– А вы к кому? – подняла на меня глаза еще одна брюнетка, практически близняшка той, что сидела внизу. Ощущение, что их набрали сюда напрямую из модельного агентства. На фоне нее я еще сильнее ощутила, что нахожусь не на своем месте.

– К Роману Сергеевичу.

– Вам назначено?

Да вы сговорились, что ли!

– Нет. Но вы скажите, что пришла Рита.

– Просто Рита? – идеальные бровки взметнулись вверх.

– Просто Рита, – вздохнула я и опустилась на край кожаного диванчика у входа.

Брюнетка скептически осмотрела меня с головы до ног и подняла трубку стационарного телефона.

– Роман Сергеевич, тут к вам пришла, э... Рита.

– Из торгового центра, – подсказала я.

Секретарша повторила мои слова и, услышав что-то в ответ, бросила "хорошо" и отключилась.

– Можете войти.

Я поднялась и, буркнув "спасибо" постучала в дверь большого босса, потом приоткрыла и заглянула внутрь.

Беркут сидел за большим овальным столом, на котором стоял открытый лептоп и дымилась чашка, судя по аромату, крепкого эспрессо.

– Здравствуйте.

– Привет, – просто ответил он и, сцепив пальцы в замок, откинулся на спинку кресла.

Рукава черной рубашки были закатаны до локтей, никакого галстука. Даже прическа не была такой идеальной, как в прошлую нашу встречу.

Я сделала несколько шагов и расстегнула молнию. С чувством огромного облегчения, что справилась с миссией, достала из кармана перевязанные резинкой деньги. Положила пачку на стол и снова отошла назад.

– Вот.

– Что это?

– Ваши деньги.

– Мои деньги? – как будто бы удивился он.

– Сто семь тысяч. Семь, которые я вытащила из вашего кошелька и сто... в общем, тут все. Можете пересчитать.

– Извини, но я не понимаю, о чем ты.

И почему-то меня это так разозлило! Он за дуру меня держит, что ли?

– Может, я и росла всю свою сознательную жизнь в детском доме, и высшего образования у меня пока нет, но я не идиотка. В переводе были указаны ваши данные, а читать я, представьте себе, умею.

– Ах вон оно что... – кивнул он и, качнувшись на вращающемся кресле, сложил на груди руки. – И почему ты не оставила деньги себе?

– Потому что это не мои деньги! Мне... мне ничего от вас не нужно. У меня все есть.

– И что у тебя есть? – его фигура огромной горой выросла над столом. – Комната в коммуналке? Случайные заработки?

– Да, и спасибо на том. У кого-то и этого нет.

– Я просто решил тебе помочь.

– Я вашей помощи не просила!

Он обошел стол и остановился прямо напротив меня, опустив ладони в карманы черных брюк.

– Согласен, идея была дурацкая, – вдруг проговорил он. – Я должен был догадаться, что ты не возьмешь эти деньги, но все-таки решил попробовать.

– И с чего это вдруг?

– Я же сказал – меня тронула твоя история, решил помочь.

– Ой, да бросьте! – ехидно скривилась я. – Мне не пять лет, чтобы верить в сказки о добром дядечке-самаритянине, который вдруг решил помочь сиротке-воровке. Я вообще-то у вас деньги стащила, немного нелогично подкидывать мне за это еще, вам не кажется? И не сколько-нибудь там, а целое состояние!

На этих словах он снова улынулся.

– А кто сказал, что я перевел их тебе за просто так? Может, я попрошу за это кое-что...

– Я не буду спать с вами! – излишне громко ужаснулась я.

Сама не знаю, почему вдруг вырвались именно эти слова. Сами по себе, даже поразмышлять не успела. И не сказать, что я об этом много думала прежде, но подобная версия все же была. Что он просто зажавшийся мешок с деньгами, который перепробовал в жизни все и

теперь ему хочется экстрима. Тощего и полуголодного. Девчонки в детском доме и не такое рассказывали.

Версия, конечно, была маловероятной и сильно протянутой за уши – на секс-бомбу я совсем не тянула, но все-таки имела место быть. Кто знает, что у него там в голове.

– Спать со мной? – переспросил он, выразив взглядом неподдельное удивление. – А у тебя богатая фантазия, Рита Старцева.

– А что еще я должна подумать? Ну не фикус же ваш поливать время от времени или там собачку выгуливать.

– Кстати, собака у меня есть и ее действительно некому лишний раз вывести на улицу.

– Что вы от меня хотите, Роман Сергеевич? – устало вздохнула я. – Проучить за мой поступок? Не надо, я уже все поняла. Урок усвоен, клянусь. Если честно, я спать нормально не могла все эти дни, чувствовала вину. Красть я точно больше никогда не буду, можете мне поверить.

– Я на полном серьезе насчет собаки. Выгуливать дважды в день, кормить, давать лекарство по часам – у нее с почками проблемы. Я целыми днями здесь, в офисе, Элвису – у меня мопс – не хватает общения и элементарного ухода.

Я скептически осмотрела его с головы до ног.

Во-первых, он вообще не походил на человека, у которого есть собака. Тем более мопс. И уж особенно по кличке Элвис. А во-вторых... он просит об этом *меня*?

Меня, которая стянула его деньги?

– Работа не сложная и Элвис создание совсем неприхотливое, – воодушевившись, продолжил он. – Я оставлю тебе ключи, будешь приходить два раза в день. Зарплата... ну, думаю, сто тысяч в месяц тебя устроят.

– *Сто тысяч*? – подавилась я. – Это что, шутка такая?

– Похоже, что я шучу?

Не похоже...

– То есть сто тысяч только за то, чтобы ходить с собакой на поводке, убирать ее какашки в специальный мешочек и кормить? И все? – прищурилась, нащупывая подвох.

– Еще купать. И давать лекарство.

– О'кей. И за это сто тысяч?

– Я очень люблю свою собаку.

Ох-ре-неть можно. Даже ладони вспотели от подобных перспектив.

– Не бойтесь, что обчищу вашу квартиру, пока вас не будет дома?

– У меня дома стоят камеры видеонаблюдения. Не боюсь, – усмехнулся.

Так, если стоят камеры, значит, мне ничего не угрожает. Значит же? Значит, я могу согласиться. Ну если бы он был каким-то извращенцем, то вряд ли бы устанавливал в своем доме камеры, правильно?

Или... наоборот?

С извращенцами иметь дело мне приходилось, правда, не такими холеными, в Яме подобных не водилось. И "извращения" у них были банальные донельзя: подсмотреть как ты принимаешь душ или переодеваешься, за каким-то чертом стащить твоё нижнее белье и задрать повыше юбку...

Отказаться от такого предложения это же просто верх глупости! Надо быть полной дурой, чтобы проигнорировать такой подарок небес. Если боженька дает тебе удочку, нужно ей воспользоваться.

Сто тысяч! Да с такими деньгами я смогу съехать из своего клоповника, снять нормальную квартиру! Смогу начать жить как все, нормально. Питаться не только кефиром и купить наконец приличное нижнее белье. Одежду, обувь. Сделать впервые в жизни нормальный маникюр.

Я снова посмотрела на Беркута, пытаюсь рассмотреть хоть что-то такое, что заставило бы меня отказаться от его предложения. Но не рассмотрела.

– И когда я могу приступить? – осторожно спросила я, все еще не веря своей удаче.

– Да хоть завтра, – просто ответил он. – Я скину тебе адрес в смс. Утром на стойке охраны возьмешь ключ. И да, – он взял со стола деньги и протянул мне увесистую пачку. – Пусть это будет аванс.

Я осторожно взяла деньги и, сняв резинку, отсчитала семь тысяч.

– Здесь больше положенного. Лишнего мне не надо.

Он кивнул и, к счастью, деньги забрал, положив купюры в карман брюк, а я довольно улыбнулась и направилась к двери.

– Жду завтра к восьми, не опаздывай, – бросил он мне вслед. – И обещай хорошо ухаживать за Элвисом.

– За такие деньги я буду целовать вашу собаку в зад.

Сто тысяч, святые небеса. Кажется, кто-то там сверху определенно меня любит.

Часть 8

Проснулась я, наверное, часа в четыре утра и больше не сомкнула глаз. И чем больше проходило времени, тем иллюзорнее казалось поступившее предложение.

Оно точно было? Мне не почудилось?

А вдруг все не так как кажется и во всем этом все-таки есть какой-то подвох?

Но какой?

Я ворочалась с боку на бок, прокручивая в голове наш разговор, и неприлично много думала даже не о том, что он говорил, а *как*он это делал. Как смотрел, как улыбался...

Достала телефон и, осветив голубоватым неоном свою убогую комнатку, вбила в поисковик Беркут Роман Сергеевич.

О нем самом информации было не так много, лишь сухие факты, что он закончил местный университет и бостонскую бизнес-школу. Что после смерти отца занимает пост генерального директора "Стрелы". Что компания растет и занимает среди аналогичных компаний города лидирующие позиции, блаблабла... А вот про его отца – Беркута Сергея Владимировича статей было куда больше. И меценат, и почетный донор, и котят с деревьев... снимал, пока скоропалительно не скончался от неозвучиваемой в статье причины.

С фото на меня смотрел солидный мужчина с усами, рядом высокая миловидная женщина с ямочками на щеках, двое мальчишек. Романа я узнала сразу – сдвинутые к переносице брови, косая челка пересекающая один глаз и... серьга?

Я хихикнула. Фото было датировано двенадцатилетней давностью, и он сильно изменился за это время. Если не сказать кардинально.

Хорошая положительная семья, вряд ли они воруют сиротских девочек и держат в подвале.

Тиски переживания слегка отпустили, но не совсем – я по-прежнему волновалась, правда, уже не потому, что опасалась каких-нибудь его скрытых садистских наклонностей, а просто... просто волновалась и все.

Интересно, как часто мы будем сталкиваться и будем ли вообще? Он сказал, что много работает и поздно возвращается домой. Наверное, практически не будем...

То, что на шерсть у меня небольшая аллергия я решила умолчать, ведь подобные предложения на дороге не валяются. Выпью антигистаминное, нормально, переживу. Главное, выбраться из этой клоаки.

Я вырубил телефон и уставилась на беленый потолок. Где-то сверху, скрипя половицами, кто-то пересек комнату, кто-то спустил воду в сливном бачке и кто-то натужно покашливал. Коммуналка никогда не спит, точно так же как Яма, где именно ночью начиналось самое "интересное". Оттуда я уже выбралась, выберусь и отсюда. А еще – обязательно найду убийцу своих родителей. И отомщу.

– Привет, я Рита. Рита Старцева, – пояснила я, будто моя "громкая" фамилия тут же побудит охранника по ту сторону двери сразу же открыть мне замок.

Стояла абсолютная тишина, прикрепленный к стене монитор не подал никаких признаков жизни.

Да как попасть в эту крепость вообще?

Сегодня стоял дикий мороз – зарывшись по глаза в обмотанный вокруг шеи шарф, я потопталась на месте и скрюченным от холода пальцем снова нажала на кнопку "Вызов".

– Эй, есть тут кто? Алё! – проговорила в микрофон и подняла голову, помахав рукой в одинокий внимательный глаз прикрепленной к козырьку камеры. – Я к Беркуту.

И словно кодовое слово произнесла – микрофон ожил.

– Старцева?

– Да.

– Ну проходи.

– Спасибо, блин, – проворчала я, и, топнув несколько раз, дабы сбить с ботинок снег, шагнула в просторный и такой теплый холл... Бог мой, как же тут хорошо.

– Привет, замерзла? – растянул простодушную улыбку конопатый охранник, одетый в строгую черную форму.

– Нет, что вы. Променад в минус двадцать три это мое любимое времяпрепровождение в половине восьмого утра.

Откинув голову назад рыжий снова задорно хохотнул, и я заметила на его груди бейдж "Валерий Угрюмов".

Угрюмов? Стало смешно. Вот уж кому совсем не подходит фамилия, так это ему.

– Мне тут ключи должны были на стойке оставить, – проговорила я, осматриваясь. Просторный светлый холл, диванчики у больших панорамных окон, пальмы в больших глиняных кадках, кулер с водой. А это что?

Кофемашина?

Серьезно? Просто вот так стоит себе ничейная?

– Да, есть ключики, сейчас, – простодушно кивнул Угрюмов и скрылся с головой где-то под стойкой.

Я облокотилась о мрамор столешницы и, приподнявшись на цыпочках, с интересом заглянула, что он там делает: копается в раскрытом ящике.

– Вот! – вынырнул он, протягивая мне...

– А это еще что такое? – кивнула на пластиковую карту в его руках. Опять этот Беркут мне деньги какие-то сует? – Я не буду это брать! – хмуро фыркнула я, нахлобучивая обратно шапку. – И передайте своему боссу, что не на ту напал.

– Во-первых, он мне не босс, а просто один из жильцов дома, а во-вторых, я вообще не понимаю, о чем ты. Это ключ. Ты же ключ просила.

– Это ключ? – я осторожно взяла карточку и повертела в руках.

Ну да, не банковская. Хотя чип похож.

– Уж не знаю, что ты там подумала, но Беркут нормальный мужик, – разулыбался еще шире Валера. – Сказал, что ты с собакой его гулять будешь.

– Ага.

– А я собак не люблю.

– Я так вообще не перевариваю.

Угрюмов захохотал, опустив на стойку покрытые рыжеватыми волосками ладони.

А он забавный, напомнил мне чуть-чуть Тяпку, что чистил зимой снег на территории Ямы, а осенью – листья. Тоже вечно улыбался. Всему: солнцу, дождю, воробьям. Тяпке было уже за сорок и он был дурачком. Настоящим, от рождения. Но столько в нем было тепла и доброты, что он казался порой умнее многих вместе взятых из того гадюшника.

Угрюмов дурачком явно не был, но почему-то тоже показался тем еще добряком.

– Ну заходи, если время будет, кофейку попьем, – и шепотом: – Он тут бесплатный. Лично у меня времени свободного полно – жильцы спокойные, район тоже, никакого криминала.

– Это обнадеживает, – тоже улыбнулась я.

Он что, пытается заигрывать, что ли?

Так вышло, что "благодаря" Яме я практически возненавидела противоположный пол. Просто там были настолько отвратные парни, что даже парнями их назвать язык не поворачивается. Маленькие злобные шакалы, с мыслями между ног.

Была там одна шайка, которая "держала" всех под колпаком. И их предводитель Бык. Признаться, кличка подходила ему просто идеально: высокий, тучный, с толстой шеей переходящей сразу в бритый затылок, маленькие злые глаза. Он попортил мне немало крови и именно из-за такого как он, любое внимание мужчины в свою сторону я автоматически воспринимала как сулящее что-то нехорошее. Но Угрюмов этой ассоциации, к счастью, не вызывал. Может, мы даже подружимся.

– Ну что? Заглянешь на кофе?

– Я подумаю, – засунула карточку в карман и снова стянула шапку.

Двинулась в сторону лифтов, ощущая спиной взгляд Валеры.

– Этаж-то знаешь? – окликнул он.

– Не-а.

– Семнадцатый. Квартира пятьдесят семь.

Я нажала цифру, и просторная кабина бесшумно взмыла вверх. Кабина, состоящая вся сплошь из зеркал. Я подошла к одному и посмотрела на свое бледное лицо без капли косметики. Может, надо было хоть чуть-чуть... А впрочем, зачем?..

Подойдя к квартире пятьдесят семь я долго думала, как открыть замысловатый замок. Что это за карточка такая? Как пользоваться? Просто вставить как в банкомат, что ли?

Аккуратно засунула кусок прямоугольного пластика в прорезь, и дверь с легким щелчком открылась.

– Привет, есть тут кто? – просунула голову за дверь и осмотрела просторную гостиную.

– Это я, Рита.

Никто мне не ответил, и я осторожно вошла в дом...

Захлопнув за собой дверь, неуверенно потопталась у входа. Потом обвела глазами стыки между стеной и потолком.

Он же сказал, что у него здесь всюду видеокамеры и где они? Ощущение было не из приятных, но обещанные сто тысяч заставили снять куртку, потом расшнуровать ботинки.

Было страшно, неудобно, неприятно – словно я воришка, которая незаконно проникла в чужой дом. Дом настолько шикарный, что я боялась сделать шаг: черный паркет, светлая мебель, огромный телевизор считай во всю стену. Да здесь дышать даже страшно. Господи, зачем я на это все подписалась вообще!

Неожиданно раздались какие-то странные звуки, словно кто-то храпел и хрюкал одновременно. Я обернулась и увидела не слишком радушного вида пса: маленького, толстенького и определенно вредного. Он уставился на меня с большим подозрением и, обнажив клыки, пытался злобно рычать.

Ладошки вспотели, само собой не от страха перед безобидным мопсом.

Я снова осмотрела дом, ища камеры, но нигде не было даже никакого намека.

Дура, они же *скрытые*!

Натянув улыбку, присела на корточки и выставила вперед руку со сложенными пальцами:

– Собачка, иди сюда. Тю-тю-тю!

Ответом мне послужило недоверчивое рыко-тявканье.

– Собачка! Иди, кому говорят! – нахмурила брови я. – Мне позарез нужна эта работа, поэтому мы сейчас будем знакомиться и насильно друг друга любить. Хочешь ты этого или нет! Собака! Ко мне!

– Его зовут Элвис, – раздался насмешливый голос, и я, подпрыгнув, сделала несколько шагов назад.

Беркут неторопливо вошел в гостиную и снял с вешалки уже знакомое кашемировое пальто.

– Вы дома? Я просто думала...

– Я уже ухожу, не буду мешать вам *насиленно* знакомиться, – добродушно улыбнулся.

Очень красивый мужик. И дом у него красивый. И даже зловредная собака как из рекламы Педигрипала. И я – тощая бледная моль в этом царстве эстетики.

– Элвис! – хлопнул себя по коленям мистер Грей, и собачонка рванула на голос хозяина. Даже толстеньким хвостом завиляла. Сразу же пропал весь боевой настрой, предательница мелкая.

Взяв на руки пса, Беркут ласково почесал Элвиса за ухом.

– Лаает он громко, но не кусается, не бойся.

– Да я не боюсь.

– К тому же он уже в почтенном возрасте, половину зубов оставил в бурной молодости, – и словно в доказательство, что это не так, пес попытался куснуть хозяина за палец. – Вывести на прогулку его нужно часов в восемь. И у него с почками проблема, лекарство надо дать. Я оставил там на столе расписание, разберешься.

– Читать умею, – кивнула я, ощутив, как защеколало в носу. С этим волнением я совсем забыла принять чертову таблетку от аллергии. – Хорошо.

– Хорошо, – тоже кивнул он, не сводя при этом с меня внимательного взгляда. Потом в какой-то момент словно очнулся – отвел глаза и, отпустив собаку на пол, взял с тумбочки у входа такую же как у меня ключ-карту. – Звони если что, номер у тебя есть.

– Ладно.

Не-лов-ко! Как же это все странно и даже противоестественно. До сих было сложно поверить, что я здесь.

– Ну пока, – скупой улыбнулся он и вышел, закрыв за собой дверь, оставив меня одну в стерильной тишине просторной гостиной.

Я шумно выдохнула и приложила тыльные стороны ладоней к пылающим щекам.

– Стыдно-стыдно-стыдно! Как же это все... – прошептала себе под нос, и снова вздрогнула, осмотрев дом – а вдруг камеры еще и звуки записывают?

Элвис стоял на том же самом месте, где его оставил хозяин и, наклонив голову вправо, осматривал меня уже с большим интересом.

– А-апчхи! – громко чихнула я, закрыв ладонью рот. Мопс вздрогнул и трусливо отбежал подальше. – Не волнуйся, это не ковид, им я уже переболела, – проворчав, похлопала ладонями по карманам джинсов, в поисках блистера с антигистаминным. Найдя, выдавила одну таблетку и проглотила не запивая.

К слову, на любые антигистаминные у меня жуткая побочка – сонливость, вялость и апатия. Но гонорар в сто тысяч заставил забыть об этом досадном недоразумении.

Сто тысяч – один месяц. Шесть – шестьсот. Год – миллион двести.

Наверное, никто в этом мире не желал этой крошечной собачке такого крепкого здоровья, как я. И до-олгих лет жизни.

– Элвис, иди сюда, – на манер Беркута наклонилась я и похлопала себя по коленям. Переваливаясь, пес подошел ко мне и осторожно обнюхал носки, джинсы, потом встал на задние лапы и ткнулся мокрым носом в ладонь.

Я улыбнулась. Есть контакт. И принялась фантазировать, на что потрачу свою первую в жизни сотню, еще не зная, что всему этому просто не суждено сбыться.

Часть 9

– Элвис, иди сюда! – позвала я, осторожно притягивая к себе собаку за поводок. Это была наша вторая прогулка за день и справлялась я на удивление хорошо. Настолько, что позволила себе неспешно обойти весь жилой комплекс. Шел легкий пушистый снег, мороз к вечеру упал на несколько градусов, поэтому в дом, пусть такой шикарный как у Беркута, не очень-то и хотелось. Хотя пора было и честь знать – порядком стемнело.

– Элвис!

Мопс без большой охоты топал следом за мной, наверняка проклиная новую "сиделку". По крайней мере судя по недовольной мордочке все было именно так.

"Вытащила меня бог весть куда на такой холод, злыдня!"

Прихватив антигистаминные таблетки, я вышла из здания ближайшей аптеки и, испытывая небольшое волнение, пошла к центральной высотке. Волновалась я потому что Беркут вот-вот должен был вернуться из офиса и мы имели большую вероятность столкнуться. Совсем как утром.

Он специально задержался или так вышло случайно?

Мне никак не давало покоя, почему же он вдруг решил мне помочь. Ведь если ему так нужна была няня для собаки, то он мог бы обратиться в специализированную организацию. Сейчас чего только нет. Даже гостиницы для животных, ничуть не хуже чем для людей.

Неужели просто из-за жалости?

Нет, только не она. Этого я к себе точно не жду и не потерплю.

Я гнала от себя подобные мысли, заменяя на что-то более "удобное" для себя, потому что если дело было действительно только в жалости, я бы не смогла остаться у него работать – гордость бы не позволила. Поэтому вариант, что ему просто некогда было заморачиваться с поиском собачьей няньки меня более чем устраивал.

Вокруг желтых фонарей кружили снежинки, было в меру холодно и безветренно. Я шла, утопая в своих мыслях и неожиданно услышала знакомый смех. Неприятно знакомый. Настолько, что сразу стало не по себе.

– Ты с ума уже сходишь, Старцева! Похоже у тебя этот... ПТСР*. *Его* здесь точно быть не может, исключено.

Ускорив шаг, я снова услышала какие-то выкрики и тот же самый хохот. Обернулась... и тут же повернула голову обратно, натянув капюшон до самого подбородка.

Нет, это не обман слуха. Это он. Бык.

Бык здесь? Но что он тут забыл?!

Я была так счастлива, что, покинув детский дом, наконец-то больше никогда не увижу эту ненавистную рожу! Я не выносила этого уроды всеми фибрами своей души. Я презирала его, я его боялась и вот он здесь, в окружении шайки таких же отмороzków.

Я старалась идти как можно быстрее, но как назло пес отыскал у бордюра что-то интересное и уперся, ковыряясь плоской мордочкой в снегу.

– Господи, Элвис, пошли домой, ну пожалуйста! – взмолилась я под нос, натягивая поводок, думая только о том, лишь бы Бык меня не узнал. Но увы, произошло то, чего я так боялась:

– Старцева? Эт ты, что ли?

Я опустила голову еще ниже и, схватив упирающегося пса на руки, попыталась побыстрее ретироваться с поля зрения кошмара своего прошлого. Но Бык буквально в несколько шагов нагнал меня, преградив путь своей громадной тушей.

– Прикол, рили ты, очуметь.

– Дай пройти, я спешу.

– Ты погляди какие мы... Спешит она. Своих не признает. А это чё за бацилла? – кивнул на Элвиса. – Твоя псина?

– Тебя не касается! И ты не свой.

– И давно ли оперилась? Недавно еще из одной тарелки жрали, а теперь "янетакая".

– Из одной тарелки? – скривилась я. – Да я бы с тобой даже в одном поле не села.

– Ты бы захлопнулась, малая. Для тебя же лучше будет.

– Рит, какие-то проблемы? – приоткрыв дверь, выглянул на улицу охранник Угрюмов.

Еще раз одарив придурка одним из своих самых уничижительных взглядов, я толкнула его плечом и прошла мимо, услышав вслед: "еще увидимся".

Конечно, храбрилась я только для вида, внутри же меня буквально трясло от происходящего. Бык реально ненормальный, у него с кукушкой что-то не то, он и в больнице лежал с каким-то диагнозом, и на учет в психдиспансер его чуть не поставили.

Что он здесь забыл? В этом элитном районе для богатеньких. Какого черта?

– Замерзла? – спросил Валера, забирая из моих рук Элвиса. – По-моему, по сравнению с утром потеплело.

– Нормально.

– А ты чего такая? Испугалась, что ли? – кивнул на дверь, намекая на недавнего собеседника.

– Да нет, что мне его пугаться. Придурок какой-то.

– Знаешь его?

– Понятия не имею.

– А чего хотел? Вы разговаривали о чем-то.

– Сигарету спрашивал, – слилась я. – Что еще таким ушлепкам может понадобиться?

– Ошиваются здесь уже с неделю, черти. Бродят, что-то вынюхивают. Если кого-то обчистят или машину угонят, сразу будет понятно, чьих рук дело.

– А чего не прогоните, раз лица подозрительные?

– А за что? Они ничего плохого пока не делают, даже бутылки не бросают. Вход на территорию ресторанный дворика и магазинов свободный, – пожал плечами Валера и услужливо нажал вместо меня на кнопку вызова лифта. – И хоть тут везде камеры натканы, все равно на всякий случай подальше от этих отмороzków держись.

– Да уж постараюсь.

И я ничуть не лукавила. Встречаться с Быком и его сворой – это последнее, чего бы мне хотелось.

Неожиданная и крайне неприятная встреча настроение испортила, но стоило мне только подняться наверх, как я сразу же переключилась совсем на другое. Место тревоги заменило волнение – встретимся мы или все-таки нет?

Я долго мыла псу лапы, кормила и аккуратно спаивала лекарством, посматривая то и дело в окно, на стоянку. Но черный Ягуар до моего ухода так и не появился...

—

**Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) — тяжёлое психическое состояние, возникающее в результате единичного или повторяющихся событий, оказывающих сверхмощное негативное воздействие на психику индивида.*

Утром на работу я опоздала. По дороге сломался автобус, поэтому, чтобы сэкономить (ну кто тратит деньги на какие-то три остановки!) я едва не бегом мчалась к жилому комплексу. Влетела в холл: щеки красные, из под шапки торчат клоки выбившихся влажных волос.

– Уехал уже Беркут?

– Не выходил еще. Доброе утро! – разулыбался Валера, но я махнула рукой на его добродушный настрой, разматывая по пути к лифту шарф.

Хороша "работница", не успела устроиться, а уже опоздала! Зато целых пятьдесят рублей сэкономила! Имея при этом сто тысяч...

Приехав вчера домой, я долго не знала, что с этими деньгами делать. Куда спрятать? Не оставлять же их под матрасом в общежитии! Конечно, вряд ли кому-то взбредет в голову вскрывать мою каморку в поисках неземных богатств, скорее, влезут и, увидев как я живу, не смогут слез сдерживать. Но все равно...

Осмотрев свои "шикарные" апартаменты от пола до потолка, вспомнила, что под окном плинтус на честном слове держится, а под плинтусом щели в три пальца. Оторвав деревяшку даже без помощи подручных инструментов, бережно положила завернутые в целлофановый пакет купюры. Приладила кусок обшарпанного плинтуса обратно. Потом снова оторвала, достала из заначки пять тысяч и вернула все как было.

– Нет, точно здесь искать никто не будет! – вынесла вердикт, но на всякий случай подвинула к окну продавленное кресло.

Поверить, что теперь я располагаю такой суммой было сложно, настолько, что даже не могла представить, на что такую кучу денег потратить. И что было самым удивительным: раньше, засыпая в детском доме, я, как и все, фантазировала о том, что когда-нибудь обязательно стану богатой. Я визуализировала сотню вещей, которые хочу себе купить, а теперь, заполучив огромную сумму, не могла придумать ни одной. Ступор какой-то. И странное чувство, словно я эти деньги украла. Прямо руки жгли.

Да, он сам предложил мне эту странную работу и сам назначил такую сумму, я его за язык не тянула, но все выглядело слишком подозрительно.

Открыв дверь электронной картой, я, наводя неприлично много шума, влетела в гостиную и в прямом смысле вписалась в Беркута, который собирался уже выходить.

От его пальто пахло каким-то сумасшедшим одеколоном, а сам он был гладко выбрит и неприлично для такого раннего часа бодр.

– Простите Бога ради, автобус сломался! Я спешила, честное слово, летела со всех ног, но все равно опоздала! – тараторила я, стягивая попутно верхнюю одежду. – Завтра выйду специально пораньше. Обещаю, подобного больше не повторится.

– Не страшно, Элвис не станок, который нужно запускать по часам. Но лучше все-таки сильно не задерживаться – у бедолаги старческое недержание.

Потрясающе, это мне еще случайные лужи вытирать... Но тут же дала себе мысленно по губам и извинилась перед боженькой: кто-то моет туалеты на вокзале за гораздо меньшую сумму, а я тут из-за какой-то лужи, которой еще нет, расфукалась, королева.

Да где бы ты сейчас была, если бы не Беркут и его собака.

– Недержание, записала, – немного нервно улыбнулась я и, встретив его внимательный взгляд, от чего-то стушевалась.

Он смотрел слишком пристально. Даже не смотрел на меня, а рассматривал, думая при этом о чем-то своем.

Я зависла, боясь пошевелиться. От чего-то вдруг стало стыдно за свой растрепанный вид, за прилипшие ко лбу лохматые волосы, за старые джинсы... Никогда такого не было, мне было плевать, что подумают другие. Ну нет у меня денег на бренды! А вот перед ним вдруг почему-то стало.

Он весь такой холеный, с иголочки, и я – как взмыленная лошадь после марафона.

"Дистрофик! Доска! Бледная поганка!" – оскорбления пацанов из Ямы всплывали в памяти одни за другими, заставляя чувствовать себя еще гаже.

– Ну я пойду? Элвису пора лекарство давать...

Я протиснулась мимо Беркута и, схватив на руки прихрамавшего на суету в гостиной Элвиса, принялась тискать его с преувеличенным рвением.

– Кто тут такой пузатый с утра? Что ты проглотил, обжора? Арбуз?

– Кажется, вы поладили, – опустив руки в карманы брюк, улыбнулся Роман. – Я скоро начну ревновать.

– Вообще-то эта ми-ми антреприза специально для вас. Я просто боюсь потерять свою работу.

Неожиданно он... рассмеялся. Легко, непринужденно и довольно громко. Сначала я растерялась, а потом тоже стало так смешно. Даже Элвис начал повизгивать и выгибаться в руках, ощутив всеобщее веселье.

– Ладно, я пойду, – не прекращая улыбаться, взял с полки ключ от машины Беркут. – Если что – звони.

Я кивнула и долго смотрела на запертую дверь, ощущая себя по-идиотски счастливой.

Я давно не смеялась, чтобы вот так, на пустом месте, и тем более не видела счастливых людей. Кажется, последний раз еще в детстве, когда еще были живы родители. Следующие десять лет меня окружала серость, угрюмость и злость. А Беркут... он словно с какой-то другой планеты. С его чистым богатым домом, красивой одеждой, дорогой машиной. С его слюнявой и визгливой, но все-таки милой собакой как из какого-то сериала.

А если бы я тогда столкнулась на эскалаторе не с ним, а кем-то другим, что бы было тогда?

Думать об этом я не захотела, хотя бы потому, что кто-то другой вряд ли бы дал мне сто тысяч.

Да и пах бы наверняка иначе...

Весь день я была в каком-то необыкновенном настроении. И вроде бы ничего особенного не произошло, а на душе было приятно и тепло. Погуляв с Элвисом, я получила заслуженные несколько часов свободы и решила использовать их с умом.

Во-первых, сходила в магазин и на те прихваченные из дома пять тысяч купила еды и очень красивую футболку. Подумав, взяла точно такую же на несколько размеров меньше, в подарок для Киры.

Во-вторых, в строительном отделе приобрела баночку краски, чтобы обновить оконные рамы. Окна в коммуналке были в жутком состоянии и сильно напоминали окна Ямы. И такие ассоциации ничуть не придавали оптимизма.

Нравится или нет – это мой дом, другого у меня пока нет. И нужно сделать проживание в нем по-максимуму комфортным.

– Это мне? – расширив от удивления глаза, Кира взяла презент. – Обалдеть. А за что?

– Просто так, – я чмокнула ее в щеку и услышала к кухни недовольное бурчание:

– Нацелуешь ее, а мамка потом на твоём фоне плохая.

Нина, мама Киры, сидела на расшатанном табурете, удерживая в руках дымящуюся сигарету. Недовольная и прилично опухшая, под левым глазом расцвел буйным цветом свежий фингал.

– А кто мешает ее тоже целовать?

– Ты поучи меня еще, ага, как с собственным ребенком обращаться. Сопля!

– У мамы настроение плохое, – прошептала Кира. – С дядей Пашей поругалась. Так орал когда ты ушла, кружку разбили, я на осколок наступила. Хорошо, что в тапках была.

– Пашей? Был же Володя.

Девочка только пожала худыми плечами.

Бедный ребенок, сидя с утра до ночи вынуждена смотреть и слушать это все. То, что детям видеть и слышать точно не положено. Ее ровесницы хотя бы день проводят в детском саду, но ведь за него нужно платить, просыпаться рано, отводить. Поэтому Нина решила, что ребенку и дома неплохо.

Без книг, нормальных игрушек и даже телевизора. Если он у них когда-то и был, то его давно пропили.

– Пойдем ко мне, у меня вкусненькое кое-что есть, – шепнула я, посылая мысленные проклятия горе-мамаше.

Пока Кира за обе щеки уплетала конфеты, глядя на моем телефоне мультфильм, я отодвинула кресло и, приподняв плинтус, достала пачку денег. Там, в магазине, я увидела прекрасные ночные шторы нежного пыльно-розового цвета. Конечно, такая красота среди остального хаоса будет смотреться слегка нелепо, примерно как единственная брендовая вещь на женщине одетой с вьетнамского рынка, но все равно. Я их хочу! А потом можно и обои новые купить. Ну сколько сюда нужно? Два-три рулона, не так уж и много.

Интересно, я смогу сама постелить новый линолеум?

– Ха-ха-ха, умора. Рит, смотри как он грохнулся. Ого! – свесившись со спинки снесла сверху вниз на меня смотрела Кира. Вернее, на деньги в моих руках. Она как и я в жизни не видела такой кучи купюр, поэтому сразу же усомнилась: – А они что, настоящие?

– Конечно, – улыбнулась я, ругая себя за беспечность. Обычно ее от мультфильма не оттянуть, хоть полный армагеддон вокруг происходи – не оторвется, а тут вдруг именно сейчас...

Я не боялась, что она их стащит, но просто зачем ребенку знать такое? Теперь придется перепрятать.

Была идея отнести их в банк, но ведь это спросят, наверное, где я такую сумму взяла? Обращать на себя внимания каких-либо органов я не хотела. Да и как оформлять это все не знала.

– А ты где столько много денег взяла? Офиге-еть!

– Бойдренда нашла, как ты и советовала, – подмигнула ей и кивнула на стол. – Иди доедай, мне скоро на работу.

Под мультяшное бурчание из динамика телефона, я вновь осмотрела свою скромную обитель и поняла, что места "для перепрятать" тут больше категорически нет. Или есть, но нет времени его искать. Поэтому достала из пачки еще пять тысяч, а остальное положила обратно.

Приду вечером с работы, что-нибудь придумаю.

То, что погода испортилась, я поняла еще не выходя из дома: пошел не просто сильный снег – началась самая настоящая метель. Ветер забрасывал в окно ошметки снежной каши, стекла дребезжали, так и норовя выпасть от очередного порыва.

Добираться до района Беркута минимум час, а по такой погоде... Надо было раньше выходить, дура!

– Кира, все, давай телефон, мне пора! – натягивая берцы, поторопила соседку я, и девочка не слишком охотно протянула мне практически севший смарт.

– Эх, в шарики не доиграла.

– Потом доиграешь! Все, давай-давай, топай!

Похлопав ее по плечу, выдворила из комнаты и, проверив, что кресло надежно прикрывая мой тайник стоит на прежнем месте, вышла из дома.

Часть 10

Дорога до района Романа оказалась просто адской: пробки, дикая толкотня, духота. Когда маршрутка доковыляла наконец до нужных высоток, я вышла на дикий мороз и потопала к дому. После концентрированного пекла салона автобуса уличный воздух моментально осудил тело, тут же стало холодно. Колющий снег больно бил в лицо, западал за шиворот и набивался в уши. Но все это было ерундой, главное – не опоздать.

Да, правильно сказал Беркут – собака не станок, подождет, не умрет с голоду в конце концов, если поест на два часа позже, но мне принципиально было важно делать свою работу идеально.

К тому же он сам сказал, что дома камеры видеонаблюдения, вдруг он следит, во сколько я прихожу и ухожу?

Вчера я перемещалась по территории огромной квартиры практически не касаясь пола, ничего не трогала и никуда не заглядывала. Ванная, кухня, гостиная – все.

Пусть он видит, что кража кошелька было недоразумением, просто попутал черт. Я не воровка и это докажу!

Уже подходя к подъезду Беркута, я, сквозь стену падающего с неба снега, как-то умудрилась увидела в огромном окне кафе знакомый силуэт. Бык.

Тот сидел за стойкой лицом к улице и смотрел прямо на меня, а увидев – медленно помахал рукой. Не как другу – весело и задорно "эгегей, привет, подруга!", а с выражением лица: "А вот и я. Я тебя вижу".

Что этот ублюдок опять здесь забыл?

Такому как он нечего делать в этом районе, тут у него абсолютно точно не может быть каких-то друзей и даже знакомых! Здесь живут люди интеллигентные, с хорошим образованием и внушительным счетом в банке. А Бык – отщепенец социума, бандит и просто придурок!

Может, он за мной следит?

Да глупости какие! Сдалась я ему как собаке пятая нога...

Собака!

Элвис!

Ему же лекарства по часам принимать! Если бедолага откинёт по моей вине ноги, то: а) я себе этого не прощу и б) потеряю работу.

Забив на Быка, я отвернулась и поспешила скорее к дому. Хотя слово "скорее" подходило плохо – из-за сбивающего с ног ветра я еле ползла.

– Ну и погодка, да? – встретил меня Валера. – Смотри как машины на стоянке занесло, и как только завтра откапывать? Наверное, придется коммунальщикам звонить, – и чуть тише: – Буржуи же наши лопаты в жизни в руки не брали.

– Беркут не вернулся? – пропустив болтовню мимо ушей, я перешла к главному.

– Нет, так рано еще. А хотя... – взглянул на наручные часы. – О, ты опоздала.

– Спасибо, что напомнил, – я подошла к лифту и нажала кнопку вызова. – Сам сказал – погода.

– Так неудивительно, штормовое предупреждение передавали. Тебе смс от МЧС не приходило?

– Не-ет....

– А вот так вот. Черт знает, как потом домой ехать, у меня смена сегодня до девяти.

Меня тема "как ехать домой" касалась тоже, но на данный момент было не до этого. Добравшись до нужного этажа, я пулей влетела в дом и, отбиваясь от нетерпеливо кружащегося рядом пса, принялась расталкивать в ложке таблетки.

Только когда пес был сыт, вылечен и выгулян (прямо возле подъезда, простите, соседи, следы вандализма я тщательно убрала), я смогла, наконец, выдохнуть.

Опустившись в кресло и удерживая спину прямой, словно палка, я обвела глазами комнату. В стекло, так же как и у меня дома бил снег, только здесь стояла абсолютная тишина, ни звука. Светопреставление осталось где-то там, по ту сторону панорамного окна, внутри же было сухо, тепло и уютно.

"Камин бы сюда" – мелькнула странная мысль.

Камин вживую я никогда не видела, только в кино, но смотрелось это впечатляюще.

После кухонной арки шла какая-то дверь, потом еще две. Стало ужасно интересно, что же там, за закрытой дверью.

Распоряжений никуда не заходить я не получала, стало быть могла передвигаться по квартире как хочу, но почему-то все равно было неловко. Но в то же время дико интересно.

Ну не тарашится же он в эти камеры без перерыва!

Я медленно поднялась и осторожно, практически на цыпочках, двинулась в сторону спальни... и остановилась. Потрогала пальцами дверную ручку, но так и не осмелившись заглянуть внутрь, потопала на "легальную" территорию – гостиную.

Его святая святых не мое дело и меня туда никто не приглашал! А вдруг там что-то пикантное?

Фантазия нарисовала красную комнату как у Мистера Грея, и я хихикнула. Сама этот фильм я не смотрела, но была наслышана, девчонки рассказывали и там тако-ое...

По сути, моя работа на сегодня была выполнена, но вот почему-то домой не спешилось. Все оттягивала, придумывая для себя новые отговорки.

В конце концов просто призналась самой себе, что хочу его увидеть.

Так, просто взглянуть одним глазком, убедиться, что если он и заметил по камерам, что я опоздала, то не злится.

Да и вообще... что уж – внешность Романа довольно интересная. Парфюм, одежда, манера говорить. Смотреть на него мне было неловко, но в то же время взгляд так и тянулся уловить в чертах что-то новое.

Он меня... завораживал. Было в нем что-то такое, особенное. Я ничерта не разбиралась в мужчинах, но наверное, то, что он излучает, называется харизмой.

Никогда жизнь не сталкивала меня с подобными ему и абсолютно все связанное с ним было крайне любопытно. Как и то, почему же я все-таки здесь. Что-то меня по-прежнему смущало.

– Эй, аккуратнее. Джинсы порвешь, а они у меня одни!

Элвис кружил вокруг меня, явно намекая, что ему необходимо внимание. Я подняла с пола резиновую косточку и кинула псу на растерзание – мопс крутанулся на одном месте, словно пытаясь укунить собственный хвост, а потом рванул за добычей, неуклюже врезавшись по пути в какую-то панель под огромной плазмой.

По гостиной полились звуки музыки. Я завертела головой, в попытке найти источник, какие-то встроенные колонки или буфер, но мои попытки провалились с оглушительным треском. Казалось, что музыка... везде. В углах под потолком, под плинтусом, в основании розеток. Петр Чайковский – а я точно знала, что это он, будто бы играл специально для меня.

На предплечьях волосы встали дыбом, я закрыла глаза и закружилась на одной ноге, в попытке изобразить фуэте. Получалось плохо, я это знала, но мне было безразлично, насколько совершенна техника – в этот момент танцевала моя душа.

В детстве я обожала танцы, а особенно балет, даже успела отучиться полгода в специализированной школе, а потом случилась та трагедия, после которой на профессиональных уроках был поставлен жирный крест. Нет, потом я танцевала в местном кружке при детском доме, но все это и близко не стояло с теми возможностями, что мне могло дать *настоящее* обучение.

Еще одна мечта улетела в тартарары, еще одна, к десяткам прочих. В восемь лет я научилась мечтать, но где-то там, на задворках души, маленькая девочка в пуантах, что жила во мне все эти годы, не могла остаться равнодушной при звуках "Лебединого озера".

Я танцевала, не обращая внимания ни на что вокруг, все словно прекратило свое существование: была только музыка, мои движения, была легкость и стойкое ощущение, что весь мир в моих руках, что все получится, а потом я почувствовала, что в комнате я не одна.

Я резко распахнула глаза и к великому ужасу увидела, что Беркут стоит в дверном проеме и смотрит на мои кривые пируэты.

– Боже, простите! Я... Я тут... – я пыталась найти хоть какие-то слова, но не находила.

Стало дико неловко, я ощутила, как щеки залила алая краска. Да что щеки – я покраснела буквально вся, с головы до ног.

– Я сейчас выключу, извините. Сейчас, – метнулась в плазме и опустилась на корточки, постучала по панели над полом, поднялась, покрутила головой в поисках пульта управления. Тщетно.

Звуки становились все громче, меня накрывало паникой. Прекратив поиски, побежденно выдохнула:

– Я не знаю, как выключается эта штука.

Беркут подошел к плоской панели под плазмой и, едва коснувшись ладонью поверхности, заставил музыку замолчать. Стало невероятно тихо, казалось, что я слышала даже шум крови, яростно мчащейся по венам и концентрирующейся на моем лице.

– А включила как? – спросил с легкой улыбкой.

– Да я не включала, это все Элвис.

– Элвис? – и опустил вопросительный взгляд на пса. Даже если мой ответ его и удивил, наводящие вопросы задавать он не стал. – Ну да, он тот еще меломан.

– Простите, ну... за вот это все.

– Брось, не за что извиняться. Ты хорошо танцевала.

Я ужасно смутилась. Лучше бы он рассердился, честное слово, чем вдруг отвесил комплимент. Потому что я совершенно не знала как на комплименты реагировать.

Меня никто никогда не хвалил, только в раннем детстве. А потом упреки, насмешки, критика. Я привыкла к такому и знала, что на это ответить, но на похвалу...

Почему-то она заставила ощутить себя кривоногой и никчемной. Ведь он не мог говорить это всерьез. Никто же прежде не говорил...

– Я занималась раньше балетом, ну, в детстве. Говорили, что получалось неплохо. А потом... – махнула рукой, абстрагируясь от неприятных воспоминаний. – Ладно, еще раз простите, я уже ухожу. С Элвисом все хорошо, он принял лекарства и погулял. Чуть не съел мои джинсы.

– А ты сама что-то ела?

Вопрос застиг врасплох. "Что-то" ела. "Когда-то". По-моему, утром.

Удивительно, но до его вопроса я голода не ощущала, но стоило ему поинтересоваться, желудок издал писклявое SOS.

– Да я не голодна...

– Пошли, – поднял с пола бумажный пакет, с которым пришел, и кивнул головой в сторону кухни.

– Я правда не хочу...

Заморачиваться с тем, чтобы слушать мои возражения, он не стал – просто ушел, и мне не осталось ничего другого, как, сгорая от неловкости, последовать за ним.

Он серьезно хочет угостить меня ужином? Кошмар! А если там то, что я элементарно не умею есть? Какие-нибудь суши или мидии, вот будет позорище!

В детском доме не церемонились со столовым этикетом: ложка, вилка, собственно, на этом все.

Только сейчас я подумала о том, как я ем. Ну, не чавкаю ли, не выгляжу ли по-идиотски. Я даже засомневалась, правильно ли я держу обыкновенную ложку.

"А вдруг нет?"

– Роман Сергеевич, я, наверное, все-таки поеду... – замялась, наблюдая, как он достает из пакета еду. Коробочки китайской лапши с курицей терияки. Нет, нет, только не это!

Не в плане, что я не хотела попробовать это блюдо, судя по заказам, оно дико популярно, но там же палочки! А я в жизни ими не пользовалась.

– ...а то автобус мой уйдет.

– Какой автобус? – он обернулся на меня, не глядя вынимая упакованные в индивидуальные пакеты приборы. – На улице вьюга, жуткий затор. Движение практически парализовано.

Скинув пиджак, закатал рукава рубашки и включил воду. Ополоснув руки, кивнул на экзотическую для меня еду:

– Любишь лапшу? Взял на свой вкус.

Я чуть повела плечом, не сводя взгляда с коробочек, на которых был написан логотип популярного ресторана.

– Если честно, никогда не пробовала.

– Тебе понравится, это очень вкусно. Садись.

Проклиная себя за невежество, за то, что не ушла раньше, проклиная того китайца, что придумал эти чертовы палочки, я осторожно опустилась на край стула. Снова посмотрела на лапшу и до меня вдруг дошло, что порций две. Что означало одно из трёх: что он слишком много ест, что судя по фигуре маловероятно; что он планировал поужинать с кем-то еще, но тот (та?) не соизволил(ла) прийти; или... что он взял эту коробочку специально для меня.

Это смутило и даже напугало.

Потому что все это было слишком странно, слишком непонятно. Он буквально подобрал меня на улице и вдруг такая забота. Чудес не бывает – ЛенСанна постоянно это повторяла.

"Никому не верьте, особенно мужчинам. Увы, среди них больше плохих, чем хороших"

Я посмотрела на Беркута из-под подозрительно опущенных бровей. Он хороший или все-таки плохой?

Судя по поступкам – второе, но нет ли за всем этим двойного дна, до которого мы пока еще не добрались?

Подозрительность и наоборот – крайняя доверчивость, отличительная черта всех детдомовских детей. Кто-то верит всем и каждому, кто проявляет мало-мальское участие к их жизни, а кто-то, как я, сразу же начинает искать подвох. Уроки жестковатой на язык, но доброй директрисы детского дома, не прошли для меня даром.

– Может, вина? – словно между прочим спросил Роман, демонстрируя запечатанную бутылку из темного стекла.

Ну вот теперь все ясно! Он хочет меня споить! Споить чтобы... Чтобы что? Этого я не знала, но предложение его мне сразу не понравилось.

Вот знала я, что что-то здесь не чисто. Знала!

– Я не пью, – буркнула под нос. – Ни разу даже не пробовала.

– Вообще никогда?

– Вообще.

Он удивился, это было заметно, но никак свои мысли по данному поводу не прокомментировал. Убрав бутылку обратно в бар, сел напротив и выверенным движением открыл коробку – кухню сразу же окутал аромат курицы и специй. Рот наполнился слюной, но к своей порции я даже не притронулась. Он же наоборот: подцепил палочками золотистую лапшу и с большим аппетитом съел. А потом поднял глаза и увидел, что я сижу недвижимая.

– Ешь, – жуя, кивнул на мою коробку.

– Я не умею пользоваться... – и опустила взгляд на палочки, – ... этим. В детском доме было не до деликатесов.

– А почему сразу не сказала? – поднялся и достал из выдвижного шкафа вилку. – Не проблема.

Увидев, что я по-прежнему ничего не предпринимаю, достал вторую, а палочки кинул в бумажный пакет с логотипом ресторана.

– Так действительно удобнее, – и наколот на зубцы большой кусок курицы. – А теперь ешь.

Признаться, я была тронута его поступком. Конечно, это мелочь, но тем самым он как бы это... опустился до моего уровня, а не стал насильно тянуть меня до своего.

Голод взял свое: я распаковала коробку и с превеликим удовольствием тоже отыскала самый огромный кусок политого душистым соусом мяса. Положила в рот... и утонула в феерии восхитительного вкуса. Показалось, что никогда в своей жизни я не пробовала даже близко ничего похожего. Это было нереально вкусно, хотелось быстро-быстро натолкать в рот все содержимое коробки и проглотить не жуя, но, конечно, я постеснялась это сделать. Сидела и, вспомнив уроки домоводства, попыталась как можно более интеллигентно орудовать вилок и жевать, не чавкая.

– Чем ты занимаешься? – спросил он, чуть откинувшись на спинку стула. – Вне работы, разумеется. Какие у тебя увлечения?

– Особенно никаких: дом, работа. Работа, дом. Некогда мне тратить время на ерунду.

– Да брось, тебе всего восемнадцать, не может быть, чтобы не интересовало совсем ничего.

Я хотела спросить, откуда он узнал мой точный возраст, а потом вспомнила, что он посещал Яму и читал мою анкету.

– Сейчас действительно не до этого, но раньше я играла на фортепиано и очень любила танцевать, – почему-то проговорив это сильно смутилась. Сразу вспомнила, как он смотрел на мои потуги изобразить балетные па. – Ну это вы уже знаете.

– Думаю, тебе стоит больше времени уделять своему увлечению. Сейчас много хороших школ, с твоей пластикой ты быстро придешь в форму.

– Нет, не хочу, – упрямо тряхнула головой. – Прошло слишком много лет, я все забыла, да и уже не в том возрасте, чтобы заниматься всякими глупостями.

На этих словах он мягко улыбнулся.

– Тебе всего восемнадцать.

– А сколько вам? – вопрос вырвался сам собой.

– Двадцать восемь.

Двадцать восемь... Примерно так я и думала, но когда он озвучил эту цифру, сразу взглянула на него как-то по-другому. Двадцать восемь – это не много. То есть много, конечно, по сравнению со мной, но с позиции возрастной градации – совсем мало.

Зрелый парень – взрослый, состоявшийся. Опытный...

Лицо залилось краской.

Я быстро опустила глаза и вцепилась в вилку. Контекст, в котором я сейчас о нем подумала, дико смутил.

Не смей смотреть на него в этом плане, слышишь? Никогда!

Да, тебе не пятнадцать, но десять лет разницы – это много. К тому же глупо вообще об этом даже думать, потому вы на разных социальных плоскостях.

Он вон какой – целый генеральный директор уже. Интересно, правда, когда он успел...

Впрочем, вспомнила, что читала в той статье в интернете, что раньше этот бизнес принадлежал его отцу. Семейное дело и все такое.

– А чем вы занимаетесь? – спросила, лишь бы заполнить чем-то неловкую паузу. – Ну, кроме работы.

– Да так, всем чуть-чуть. Кстати, тоже играю на рояле.

– Я не знала.

– Он стоит в моей спальне. Не видела?

Почему-то мои бедные щеки настигла новая волна краски.

– Я туда не заходила.

Ну вот, а если бы шарилась по его квартире, но точно бы на автомате ответила "да, видела", и кем бы себя выставила?

Не просто воровкой, а воровкой любопытной!

Он смущал меня, и вроде бы ничего такого не делал: никаких двояких взглядов или намеков, а все равно в его присутствии было дико неловко.

Все, хорошего по чуть-чуть – мудро решила я и, отложив прибор, поднялась.

– Спасибо за ужин, было вкусно. Мне пора.

Он только собрался что-то ответить, как вдруг неожиданно квартира погрузилась в крошечную темноту.

Часть 11

Свет не просто погас – на весь мир словно натянули плотный холщовый мешок. Если прежде из огромного, от пола до потолка, окна, открывался вид на заснеженный город, с его сотнями высоток, горящими окнами, переливающимися гирляндами и неоновыми вывесками, но теперь и там было абсолютно темно.

Я не боялась темноты, в детском доме этот страх атрофируется за ненужностью: свет там постоянно экономят и дети привыкают с девяти часов вечера пялиться в темный потолок. Так что это был не страх – я просто словно потерялась в пространстве. Дезориентировалась.

Качнувшись, ухватила за край стола и зачем-то вытянула руку, будто пытаюсь нащупать что-то в неизвестности.

– Роман Сергеевич? Вы здесь?

– Все в порядке, не волнуйся. Думаю, это временно.

Послышалось, как он поднялся, и я увидела его силуэт у окна.

– Выбило пробки, что ли?

– Да нет, это не пробки. Скорее всего произошла какая-то авария на станции. Видишь, по всему району нет света?

Под ногами раздался жалобный скулеж: я опустилась на корточки и взяла на руки растерянного Элвиса. Бедолага, вот кто действительно напуган.

Подойдя к Беркуту (зрение по чуть-чуть стало адаптироваться к темноте и я смогла видеть хотя бы очертания предметов) тоже выглянула в окно.

Действительно ни огонька, ветер бросал в стекло ошметки снега и казалось, что мы словно где-то в космосе, а не городе-миллионнике. Завораживающее зрелище.

Но больше меня поражали не внешние катаклизмы, в внутренние. Стоять вот так рядом с ним в полной темноте было ужасно волнительно, и в то же время очень приятно. От него словно веяло уверенностью и спокойствием.

– И как скоро все починят, как думаете?

Он дернул плечом – я это почувствовала.

– Кажется, это надолго.

– То есть? – я ужаснулась. – Мне домой еще как-то ехать!

Он повернул на меня голову, и я готова была отдать уже свою на отсечение, что в этот момент он улыбнулся.

– Значит, останешься здесь.

– То есть?! – повторила свой недавний вопрос, но уже с совсем другой интонацией. – В каком это смысле – *здесь*?!

– А какие ты еще видишь варианты? Там все занесло снегом – не пробраться. Коммунальщики разгребут это все в лучшем случае к утру, да и когда починят свет неизвестно.

– Нет! Я не останусь здесь, вы чего?! Ни за что! Это... это неудобно! Я не хочу вас стеснять!

– В моей квартире сто шестьдесят метров. По-моему, двоим есть где развернуться.

Остаться ночевать здесь? В его квартире?!

От одной только подобной мысли пересохло в горле и запульсировало в висках.

– Нет, Роман Сергеевич, нет! – опустила Элвиса на пол. – Ну как вы себе это все представляете?

– Ты постелишь себе в свободной комнате, не вижу проблем.

– Я не буду ночевать с вами!

А теперь совершенно точно улыбнулся.

– Ну во-первых, не со мной, а в моей квартире. А во-вторых – что здесь такого?

– Да уж, действительно, – смешок вышел нервным.

Я была не просто напугана – я была в ужасе. От одного стихийного ужина отходила очень долго, а теперь ночевать? Пусть даже в разных комнатах за закрытой дверью. Да я глаз не сомкну.

А что делать утром? У меня ни сменной одежды, ни зубной щетки. У меня телефон садится, в конце концов! Вряд ли зарядное устройство от последней модели Айфона подойдет к моей смартфону Хувей.

А если мне кто-нибудь позвонит, а я буду недоступна?

И тут же стало смешно. Кто мне позвонит? Вот кто?!

Я посмотрела снова в окно – на улице творилось настоящее светопреставление. Никогда еще в своей жизни я не видела такой выюги. Почему-то вспомнилась Герда, которая шла спасать от ледяной королевы своего заколдованного Кая, тогда она тоже пробиралась через выюгу, что ничем не уступала сегодняшней.

Он прав – уходить сейчас, по такой погоде, и еще в крошечной темноте – это небезопасно. Придется принять его предложение.

Я обернулась на Беркута и наткнулась на блеск темных глаз. Все это время, пока я думала, взвешивала и решалась глядя в окно, он смотрел на меня.

Я не спала всю ночь, вплоть до самого утра. Лежала укрывшись до самых глаз одеялом и слушала оглушительную тишину. Именно здесь я вдруг поняла, что она не успокаивает меня, а внушает чувство будто бы... тревоги, что ли.

Я много лет не слышала абсолютной тишины: в Яме даже ночами все шуршало, шепталось, храпело и кашляло. В коммуналке тем более. Там и песни могут затянуть и начать бить посуду в два часа ночи. И казалось бы – звуки раздражающие, но я настолько к ним привыкла, что в иной обстановке мне, как вышло, стало слегка не по себе.

А может, виной тому был Беркут где-то там за стенкой...

Я думала, а спит ли он или как и я слушает тишину? Думает ли обо мне?

Хотя с чего вдруг ему обо мне думать.

Вечером он дал мне стопку постельного белья, чистое полотенце и даже новую зубную щетку. Конечно, ни о каких водных процедурах не могло идти и речи: я просто быстро ополоснулась под струей холодной воды (потому что не поняла в темноте, как переключить на горячую сенсорный датчик) и, натянув на мокрое тело свою одежду, держа в руках толстую свечу, прошмыгнула в выделенную мне комнату. Просторную, с таким же большим окном как и в гостиной. Не снимая одежды легла и слушала потом, как Беркут ходит где-то там за стенкой. Слышала как лилась вода и, клянусь, в какой-то момент мне даже показалось, что он остановился возле моей спальни. Я прямо чувствовала его где-то поблизости. Не знаю, дышала ли я в этот момент вообще, но глаз с двери не сводила точно.

Конечно, он ко мне не зашел. А может, его присутствие вообще было игрой моего разыгравшегося от волнения воображения.

К утру сон меня все-таки сморил, но судя по ощущениям не больше чем на полчаса. Я вскочила, с колотящимся сердцем выглянула в окно – было еще темно, значит, не больше семи. Отлично.

Я хотела привести себя в порядок до того, как проснется хозяин дома, поэтому, тихо открыв дверь, выглянула в коридор. Было знакомо тихо, но судя по мигающим цифрам электронных часов, свет ночью все-таки дали.

Подойдя к ванной, я дернула на себя ручку двери и едва дар речи не потеряла – передо мной стоял Беркут.

Голый.

Вернее, практически голый – вокруг бедер было намотано большое белое полотенце и... больше ничего.

– Боже, простите пожалуйста! Я не знала... Не думала... – захлопнув обратно дверь, с пунцовыми щеками ломанулась обратно в "свою" комнату, лелеять и дальше свой позор.

Ну вот как так, а? Ну почему я не постучала!

А если бы он действительно был *без всего*?

Было очень стыдно, я в прямом смысле не знала куда себя деть. Отсидеться в комнате до его ухода? Как-то это по-детски.

Пока я металась из угла в угол по просторной спальне, останавливаясь то у окна, то у большого зеркального шкафа, в дверь тихо постучали.

Ну все, пришел устроить мне нагоняй за бестактность. Я бы убила, если бы кто-то заперся без стука в мою ванную!

– В-войдите.

Беркут зашел внутрь, к счастью, уже в брюках и рубашке, правда, с все еще влажными волосами.

– Там завтрак привезли. Пошли.

Я кивнула и поплелась за ним следом, ожидая, что отчитает он меня уже там, на кухне... Но нет, на кухне тоже ничего подобного не произошло. Он, не обращая на меня внимания, достал из бумажного пакета румяные булочки, аромат которых тут же заполнил всю кухню.

– С малиной или шоколадом?

– Простите?

– Круассаны. Я беру с ягодами, но не понаслышке знаю, что девчонки жить не могут без шоколада, поэтому взял на выбор.

– Сладкое я люблю.

– А по тебе не скажешь, – осмотрел сверху донизу мою фигуру и коротко улыбнулся.

"Доска!", "Прищепка!", "Жердь!" – всплыло сразу же в памяти и стало жутко неловко.

Да, я высокая и худая, да! Не всем быть крошечными принцессами с округлыми формами. Да и откуда мне эти формы брать? Чтобы они появились, нужно соответствующе питаться, а у меня ужин через раз, откуда уж тут взяться женственным бедрам?!

Девочки говорили, что я похожа на модель, потому что они тоже длинные и тощие, но мне рост и излишняя худоба лишь добавляли всю жизнь комплексов, а Бык и его свита только подкармливали их своими оскорблениями.

– Я сварил нам кофе, – обернулся, удерживая в руках колбу с темной жидкостью. – Или ты любишь чай?

"Я все люблю, что не пустые макароны" – вырвалось еще бы чуть, но замечание оставила при себе.

– Кофе, пожалуйста.

– Садись, – кивнул на мое вчерашнее место, и я, испытывая уже привычную неловкость, опустила на край стула.

Вчера ужин, сегодня завтрак. С чего вдруг-то? Кто я ему такая?

Не похоже было, что ему доставляло трудности возиться на кухне, но все равно.

Он слишком какой-то... положительный. Так не бывает. В полицию за кражу кошелька не сдал, защитил от поклепа, денег подкинул, на работу устроил. Теперь вот откармливают.

Если бы я была чуть наивнее, я бы возвела вокруг себя розовые стены и летала в воздушных облаках, но увы, я слишком твердо стою на ногах, чтобы возомнить себе то, чего нет.

Ничего никогда не бывает просто так. Ничего и никогда! За каждым внешне благовидным поступком всегда кроется какая-то корысть. В моей жизни последние десять лет было только так.

– Твой кофе, – пододвинул мне чашку, но я, благодарно кивнув, даже к ней притронулась. А потом, не отпив и глотка, все-таки решилась задать мучивший вопрос:

– Зачем вам все это?

Он поднял на меня удивленный взгляд.

– Что – это?

– Все это. Работа, забота и все такое. Что вам от меня на самом деле нужно?

– Ничего.

– Так не бывает. Людям всегда что-то нужно.

– Ты ошибаешься.

– Роман Сергеевич...

– Можно просто Роман.

– Роман *Сергеевич*, – с нажимом сделала акцент на отчестве. – Если вы не скажете мне правду, я уйду. Да, вряд ли я вас сейчас этим напугала, но я правда так не могу. Я чувствую, понимаете, что здесь что-то не чисто. Не просто так. У меня нет большого жизненного опыта, но один урок я усвоила хорошо – не верь бескорыстной доброте, потому что это в принципе слова антонимы. Я не хочу погрязнуть в неоплачиваемом долге перед вами и если вам от меня что-то нужно, но вы пока молчите...

– Рит, остановись, пожалуйста, – прервал он и накрыл ладонью мои руки, нервно сминающие салфетку. – Тебя куда-то не туда понесло. С чего ты взяла, что мне от тебя что-то нужно?

Его слова доходили крайне плохо, потому что все мое внимание, умственное и физическое сконцентрировалось на этом невинном прикосновении. Я не могла оторвать взгляд от его руки: большой и теплой.

Никогда меня не касался мужчина... вот так. Мягко, сбивающе с ног интимно.

Именно сейчас, в восемнадцатую зиму своей жизни, я вдруг осознала, что я женщина. И на какое-то мгновение подумала о том, что тоже могу понравиться. Даже такому как он. Почему нет? И нет, я не длинная – я высокая, не тощая – а стройная. Я не жердь – а модель. И не пошел бы Бык со своими оскорблениями куда подальше!

Но очарование момента длилось недолго, ровно до той секунды, пока он не убрал руку.

Словно по мановению волшебной палочки я снова стала длинной, худой и страшной.

Бык прав, а ты дура.

Я не расстроилась, нет, я разозлилась. На себя, на Беркута. На свои глупые и отвратно-наивные фантазии. На то, что на какой-то миг позволила сбить себя с пути и поверить в то, чего никогда не будет.

– Хорошо, я поняла. Спасибо за все, но работать на вас я больше не могу, – не давая себе и секунды на сомнения, я резко поднялась и честное слово собралась уйти, чтобы больше никогда не вернуться, но неожиданно он меня остановил: тоже поднялся и снова взял за руку. Уже не интимно как раньше, взял крепко, будто на самом деле стараясь удержать:

– Ладно, хорошо, я скажу тебе правду.

Даже не собираясь скрывать недоверие, я снова села и, сложив руки как школьница, уставилась на него в немом вопросе.

– Кто бы подумать мог, что ты настолько подозрительная.

– Я осторожная.

– Это я заметил.

– Так в чем подвох?

Он взял в руки чашку и сделал внушительный глоток.

– Видишь ли, я тоже рос в детском доме, поэтому как никто тебя понимаю. Когда ты рассказала мне про...

– Вы что, считаете меня совсем идиоткой?! – прервала я его неприкрытую ложь. Прервала громко, даже показательно агрессивно. – Вы считаете, что я настолько тупая, что не

навела даже мало-мальских справок о человеке, который отвалил мне сто штук за уборку собачьих какашек? Я читала в интернете о вас, вашей семье, видела фотографии. В каком детском доме вы никогда не росли! Да вы его, наверное, даже в глаза не видели в жизни!

Если он и изменился в лице, то ровно на несколько коротких секунд.

– Меня усыновили, в статьях об этом ничего нет, так как моя семья старалась это не афишировать. Такой ответ тебя устроит?

Я проглотила то, что собиралась сказать.

Его усыновили? Признаться, на мальчика из детского дома он совсем не походил, но если его забрали совсем маленьким ребенком, то, конечно, сытая жизнь перекрыла печать беспризорника.

Стало очень стыдно. До невозможности. То есть он действительно ко мне с добротой, а я, неблагодарная, постоянно ищу какой-то подвох. Во лжи его обвинила!

– Простите, – промямлила, опустив взгляд позора. – Просто никто никогда ко мне так не относился, и ЛенСанна предупреждала никогда не доверять вот таким добрым дядечкам, которые будут обещать золотые горы, а сами...

– Кажется, твоя Лен Санна женщина мудрая, но не в моем случае. И я не добрый дядечка, скорее наоборот.

– Вы наговариваете на себя.

– Ты просто плохо меня знаешь.

– То есть мне все-таки уйти, от греха подальше? – я улыбнулась.

Он улыбнулся мне в ответ и кивнул на румяный круассан с шоколадом.

– Ешь, пока теплый.

Я съела все до последней крошки и это была самая вкусная на свете булочка, что мне приходилось пробовать в своей жизни. И самый вкусный кофе, за пятьдесят девять рублей из торгового центра не сравнится.

Пока ела, я даже на него не смотрела, но чувствовала, как на меня смотрит он. Не осуждая мою жадность, а... сочувствуя, что ли.

Вот уж что-то, а жалеть меня точно не нужно. Я теперь женщина обеспеченная благодаря ему и смогу купить себе сто таких булок. Но за эту, с шоколадом, была ему страшно благодарна.

– Чем планируешь заняться на новый год? – вдруг спросил он.

Я дернула плечом, уткнувшись в чашку почти допитого кофе.

Чем я планирую заняться на новый год? Таким вопросом я пока не задавалась. Это будет первый новый год моей взрослой, свободной от детского дома жизни, и я понятия не имела, чем развлечь себя вне его стен.

Подруг, настоящих, близких, таких, чтобы доверить им самое сокровенное, у меня не было. Родни тоже (тетка-воровка не в счет). У меня была только Кира и как ни странно – ЛенСанна. Излишне прямая, резкая, ворчливая, но я успела ее полюбить. Полюбила ли она меня – вопрос, ответ на который меня не особо волновал. Я знала, что она относится ко мне тепло и этого мне было более чем достаточно.

– Не знаю пока, не решила еще, – слилась с прямого ответа "ничем". – А вы?

Он тоже дернул плечом.

На какую-то долю секунды мне вдруг показалось, что он предложит провести праздник вместе. Глупо, конечно, даже сказочно, но такая мысль действительно пришла.

Конечно, ничего такого он мне не предложил. Более того – больше к теме празднования нового года не возвращался.

Вскоре у него зазвонил телефон и он принялся обсуждать какие-то рабочие моменты. Какие-то застрявшие в Воронеже фуры, декларации, куча непонятных для меня слов, а я в этот момент собрала со стола посуду и, включив воду, принялась все тщательно перемывать. Все

это время он, говоря в трубку, смотрел на меня, периодически указывая на что-то то подбородком, то пальцем, но я, так и не сообразив, что он имеет ввиду, доделала работу и принялась разводить лекарство, а потом виртуозно подмешивать в еду Элвису.

Тот, к слову, вел себя прилично: сидел себе тихонько и печально смотрел как за окном падают хлопья снега.

Было так уютно и как-то... по-домашнему, что ли. Непогода на окном, а в доме тепло. Милый песик. Совместный завтрак, пусть с небольшой перепалкой.

Еще бы ёлку сюда, настоящую, с кучей огоньков, и будет совсем как в кино... Жизнь, которой у меня никогда не было.

Дура ты, Старцева.

– Хорошо, скоро буду, – раздалось за спиной, и я обернулась: Беркут, засовывая телефон в карман, снова куда-то кивнул.

– Посудомойка же есть, зачем руками, – пояснил, наконец.

А, посудомойка. Знать бы еще, как ей пользоваться.

– Мы люди не балованные, и эти ваши новомодные штуки не понимаем. Элвис, иди сюда, – села на корточки и поставила на пол чашку с едой. – Смотри, какие вкусняшки.

Пока Беркут накидывал пальто, я, сложив руки на груди, стояла у стены и смотрела, как он это делает.

"Будто мужа на работу провожаю" – снова мелькнула дурацкая мысль.

Боже, как хорошо, что он не слышит, что творится в моей глупой голове.

– И чему улыбаешься? – выпрямился он и тоже улыбнулся.

Я улыбаюсь? Вот черт.

– Да так, ничему. Подумала, что ёлки здесь не хватает.

– Ёлки?

– Ну да, вот сюда, – я зашла в угол гостиной и обрисовала руками круг. Он, почесывая костяшкой согнутого пальца бровь, издал что-то похожее на "хм".

– Никогда не покупал ёлку. Как-то... даже в голову раньше не приходило. Не слишком люблю новый год, есть на то свои причины.

– Если честно, я тоже не люблю. Но все-таки же новый год и без ёлки? Даже в детском доме исправно ставили в спортивном зале. Правда, искусственную и порядком обшарпанную. Но все-таки...

Пару секунд он о чем-то думал, а потом бросив "мне пора", засобиравшись уходить

Словно поняв, что хозяин его покидает, Элвис выскочил из кухни и без зазрения совести принялся крутиться у ног хозяина. Крутиться не как молодой и озорной щенок – немного переваливаясь в силу почтенного возраста, но все-таки выражая крайнюю степень любви.

Беркут наклонился и взял пса на руки, почесал за ушком. Картина была слишком умильной, в моих фантазиях идеальное будущее примерно таким и представлялось, поэтому, чтобы лопнуть этот наивный мыльный пузырь грез, я подошла к ним и забрала собаку из его рук.

Нечего тут воссоздавать сцены из американских мелодрам! Иди уже на свою работу!

Забирая... нет, даже не так – отнимая Элвиса, мы коснулись рук друг друга. Мимолетно, совсем невзначай, но этого было достаточно, чтобы испытать очередную волну неловкости.

– До свидания, – буркнула я.

– Пока.

Он пару секунд задумчиво смотрел на меня, а потом ушел.

Часть 12

Домой я ехала в каком-то раздразе. Столько всего произошло: странного, волнующего, нового. Ночевка эта и потом сцена в одном полотенце... Слишком много впечатлений для одного дня.

В любой другой день уезжать оттуда, из этой большой и красивой квартиры, в свою каморку, я бы точно не хотела. Но только не сегодня. Сегодня я хотела попасть туда, где мое место. Чтобы даже не единой глупой фантазии!

Он – твой работодатель, все!

Вместо этого я принялась думать, в каком районе города лучше снять квартиру. Поближе к дому Беркута? Да, это логично, меньше времени добираться. Но его район непростой, и цены там наверняка космические.

Может, где-то в соседнем?

Сто тысяч – деньги огромные, но все равно тратить их нужно с умом.

Набирая одним пальцем в строчке поисковика адрес сайта с объявлениями, я поднялась на свой этаж и сразу же попала в "гущу событий" – шум стоял неимоверный. То, что веселье происходит в нашем крыле сомневаться не приходилось.

"Опять бухают!" – проворчала я, раздраженно заходя в коридор.

Играла блатная музыка, сигаретный дым стоял столбом, куча непонятного народа теснилась на крошечной общей кухне. Судя по витавшему в воздухе амбре – веселье с вечера плавно перетекло в утро.

Они тут всю ночь пили, что ли?

Я привычно пошарила глазами, отыскивая Киру, но девочки нигде не было видно.

– А это у нас кто такой? – выпустив дым, пьяно обнажил "золотые" зубы один из почетных гостей вечеринки. – Иди сюда, красивая, угостим.

Пьяная в доску Нина, кляя носом, что-то недовольно проворчала, но в силу состояния даже сама не поняла, что именно.

Господи, каждый день одно и то же! Ну сколько уже можно!

Мысль съехать отсюда как можно скорее никогда еще не была настолько навязчивой.

Мазнув беглым взглядом по накрытой на заляпанном столе "поляне", я немало удивилась: колбасная нарезка, смятые упаковки от шашлыка на вынос на полу, уже пустые бутылки из-под коньяка с пятью звездами на этикетке.

То есть на дочь у нее денег нет, в как свору свою угощать, так сразу нашлись?

Как жаль, что нельзя забрать с собой Киру! Хотя я понимала, что если я бы это сделала, горе-мамаша даже и не поняла бы сразу, куда пропал ее ребенок, а возможно, даже обрадовалась, что не нужно теперь отвлекаться от важных пьянок на дочь.

Вот возьму и заберу! Но для начала сама выберусь из этой клоаки.

Психанув, я достала из кармана ключ и поднесла к замочной скважине своей двери, и только потом увидела, что она уже открыта...

Вдоль позвоночника словно куском льда прошлись.

Деньги!

Я все сразу поняла и дальнейшие действия были по сути бесполезны, но я все равно забежала в комнату, отодвинула уже и так отодвинутое кресло и увидела, что кусок плинтуса просто валяется на полу, а мой тайник пуст.

Из глаз брызнули горячие слезы обиды.

Опустившись прямо на пол, я вытерла их тыльной стороной ладони, но они все равно лились и лились.

Украли, сволочи! Просто взяли и утащили не свое. Все мои сбережения были там, мне снова не на что жить.

Я понимала, что можно было пойти и потребовать все вернуть, устроить скандал, вызвать участкового, но разве это хоть что-то даст? Мне никто ничего не вернет и доказательств, что у меня вообще эти деньги были – нет. Только вопросы появятся, откуда у меня, детдомовской девчонки, вообще такая сумма.

Скрипнула дверь, и я подняла зареванные глаза: в проеме стояла лохматая Кира. Увидев меня, лицо девочки скривилось в преддверии слез.

– Прости меня, Рит, это я во всем виновата! Но я не хотела рассказывать мамке твою тайну, я случайно! Просто когда она снова меня наругала, даже ремня дала, я сказала ей, что ты меня к себе заберешь, что теперь я буду жить с тобой. Она сказала, что меня тебе никто не отдаст, что ты нищая и у тебя денег нет, что тебе нечем меня даже кормить. Ну я и сказала, что деньги у тебя есть, что я сама их видела! Тогда дядя Володя твой замок расковыря-ял... – и разрыдалась.

Конечно, едва увидев взломанный замок я сразу все поняла, но разве это ее вина? Она ребенок, и это я должна была быть осторожнее. Только я одна...

– Не плачь, ну ты чего, – и протянула ей руки. – Иди сюда.

Она села рядом со мной прямо на пол и обняла за шею тощими ручками. Так мы и сидели, размазывая слезы, каждый свои: она – вины, я – злости.

Злости не на Киру, конечно – на саму себя. На Нину эту, чтобы ей пусто было. На такую свою жизнь... Злости на того урода, что лишил меня родителей.

Точка отсчета началась именно оттуда, с той самой зимы, когда кто-то оставил моих маму и папу лежать на дороге. Именно с того дня все пошло наперекосяк.

– Вот, я немного стащила, – всхлипнула Кира и вытащила из кармана спортивных штанов две смятые тысячи. – Мамка выронила, а я незаметно подняла. На, возьми.

Я забрала скомканные бумажки и, прижав к себе Киру, разрыдалась ещё сильнее.

Вечером я приехала к Беркуту в соответствующем настроении – зареванная, с опухшими веками и больной головой. Очарование утра сошло на нет, место его заняла жестокая реальность.

Замечталась, дура, что сможешь из грязи в князи. Квартиру снять нормальную, маникюр. Конечно!

И то, что деньги украли – поделом. Однажды украла ты, теперь у тебя – бумеранг.

Конечно, о том, чтобы рассказать Беркуту о своей потере и речи не шло, не его головная боль, что у его наемной работницы соседи конченные алкоголики. И в моей невнимательности его вины нет. Показала деньги и кому? Ребенку! Конечно, она рано или поздно бы все разболтала. Не со зла, а просто потому что бесхитростная шестилетка.

На что жить ближайший месяц я просто не представляла, а жить на что-то нужно. Еще новый год впереди...

Не сказать, чтобы я любила этот праздник, ведь именно после новогоднего корпоратива родителей та трагедия и произошла. В первый праздник без семьи я вообще категорически отказывалась спускаться в спортивный зал к злосчастной ёлке, а потом мне приснился сон, где мама в красивом платье с блестками, том самом, котором пошла на тот корпоратив, наряжала пахучую сосну в зале нашей старой квартиры. Она звала меня помочь, а я отказывалась подходить даже близко, тогда она обиделась, сказав, что ёлка не виновата в том, что произошло. И что праздник не виноват. Что нужно жить дальше, веселиться и быть благодарной за каждый прожитый день. С тех пор я старалась абстрагироваться и жить как все, не проводя никакие параллели, правда, веселиться в этот день все равно не получалось.

Не получится и в этот раз. Оливье, и тот не на что приготовить.

Пока добиралась на автобусе до района Беркута, полистала объявления о работе. В принципе, если использовать промежуток между прогулками с Элвисом и вечернее время, то несколько часов выкроить удастся. Листовки раздавать или развозить горячие обеды...

Стоило только вспомнить злосчастный короб за спиной, как настроение испортилось еще сильнее. Хотя казалось бы куда уж больше.

Ладно, чего уж – прорвемся. Не впервой.

– Чего кислая такая? – поприветствовал меня Валера, но я лишь махнула рукой. – Неудачный день?

– Неудачная жизнь, – хмуро пошутила я, шагая к лифту.

А может, еще один аванс попросить? Четверть аванса... Хотя нет, это слишком нагло: работаю без году три дня, а уже забрала заранее полную зарплату за еще не отработанный месяц. И просить еще? Ну уж нет.

Поднявшись на нужный этаж, я закинула в рот таблетку от аллергии и открыла дверь. И сразу же увидела их – изящные сапоги на тонкой шпильке...

Часть 13

Я в буквальном смысле оцепенела, словно это не сапоги из кожи питона, а сам питон.

И впервые подумала о том, что вообще ни разу в голову даже не приходило, что Роман может быть несвободен...

Ну конечно, у него кто-то есть, это же так очевидно!

У таких мужчин как он всегда есть подруги: длинноногие модели с блестящими волосами, гладкой кожей и белоснежной улыбкой. Только вот почему-то осознание этой логичной, в общем-то, истины, не принесло ничего, кроме досады.

Тихо, насколько это было возможно, я опустила на пол рюкзак, затем принялась расстегивать молнию на пуховике, продвигаясь по одному звену в секунду. Как будто если я сделаю все едва дыша, гостья меня не увидит и даже не догадается, что здесь кто-то есть. Что я быстро-быстро сделаю свою работу и уйду, оставшись незамеченной.

Само собой неуслышанной остаться не получилось – на производимый шорох из кухни вышла высокая брюнетка, удерживая на руках Элвиса.

– Привет, – улыбну

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.